

Здобникова М.А.
Бантикова А.С

Дитя Демиургов

Путь к Магии

Дитя Демиургов.
Путь к магии

16+

Марина Здобникова

Дитя Демиургов. Путь к магии

«Автор»

2016

Здобникова М. А.

Дитя Демиургов. Путь к магии / М. А. Здобникова — «Автор»,
2016

Что если рядом с людьми в привычном мире обитают маги и прочие волшебные существа? Что если обычный человек не может стать магом и жениться на маге, но по воле судьбы влюбляется в незнакомку из другого мира? Что если этот человек — Избранный, хотя он сам об этом не догадывается? Ответы на эти и многие другие интригующие вопросы вы узнаете, погрузившись в волшебный мир этого романа.

© Здобникова М. А., 2016

© Автор, 2016

Информация по обложке – изображение было подготовлено г-ном Сергеем Крутиковым по нашему заказу и договору, для публикации на сайте RIDERO.ru

<https://ridero.ru/books/?offset=0&q=Дитя+Демиургов> – ссылка на сайт и обложку.

Она была совершенна. Настолько совершенна, насколько может быть совершенен человек. Артес стоял, зачаровано глядя на идущую ему навстречу девушку, забыв все, о чём только что говорил своему лучшему другу Джю.

– Кто это? – спросил он, прервав рассуждения приятеля о шансах на победу в только начавшейся войне.

– Где? – недовольно уточнил Джой, оглядевшись. – А, это? Леди Мадлен Голд. Она из новых, её отец купил титул не так давно. Кстати, он поставляет оружие на фронт.

– Она очаровательна! – воскликнул Артес.

Джой оставил надежду на продолжение увлекательного разговора о Гитлере, русских и итальянцах и посмотрел на предмет восхищения своего друга.

Мадлен и вправду была очень хороша – очень худая, но пропорционально и ладно скроенная фигурка имела надлежащие формы в надлежащих местах. У нее были короткие, почти черные волосы, ярко-зеленые глаза, правильные, классические черты лица.

– Слишком худая, – огласил свой вердикт Джой, – хотя это сейчас входит в моду.

– Ничуть! – с жаром возразил Артес. – Какие у нее необыкновенные глаза! И такие плавные, грациозные движения! Она словно картина Моне...

– Ты хочешь сказать, что на нее надо глядеть издалека? – приподнял бровь Джой.

– Нет, что она вся состоит из полутонов, словно соткана из тумана!

Джой скривил очень недовольную гримасу, которая сменилась сладкой улыбкой, поскольку упомянутое творение Моне подошло к ним, ведомое под руку высоким джентльменом.

– Господин Эйр! – Мадлен склонила голову в поклоне – Я так рада видеть Вас на этом приеме! Позвольте представить Вам моего жениха – Лорд Девид Чартерис.

Джой пожал руку представленному джентльмену, одновременно незаметно толкнув застывшего с отчаянием на лице Артеса.

– Счастлив знакомству, очарован, а это мой близкий друг – сэр Артес Рэдворт.

Артес опомнился и поцеловал руку Мадлен, после чего слегка напряжённо кивнул ее жениху. Девушка очаровательно улыбнулась, хитро прищутив колдовские глаза, и протянула:

– Если бы моё сердце не было уже занято, вы вполне могли бы его разбить, сэр Артес.

После этого они с женихом медленно перешли к другой группке гостей.

– Она словно прочитала мои мысли! – трагическим шёпотом сообщил ухмыляющемуся Джю Артес.

– Милый мой! Девушка обручена. Оглянись вокруг как следует и найди ей замену, – посоветовал Джой. Ему надоел этот приём, и хотелось скорее вернуться в поместье. Там был простор, не было слуг, и был лес. Его лес.

– Я не могу забыть её. Она словно приковала моё сердце незримыми путами...

– Артес, я ухожу домой, – категорически заявил Джой. – И не говори мне больше о путах, зримых или незримых. И те, и другие меня не интересуют. Выпей хорошего виски и ложись спать. Утром от твоих страданий не останется и следа.

Артес вздохнул, немного подумал и пошёл вслед за Джоем к автомобилю.

Ночь была очень тёмная, на небе висел растущий серп месяца. Друзья доехали до дома Артеса, после чего шофёр Джоя повёз его дальше.

Молодой человек взбежал по ступеням семейного особняка, рассеяно теребя перчатку, и, кивнув дворецкому, прошёл в свой кабинет. Сев за стол, он взял карандаш и альбомный лист и набросал по памяти портрет Мадлен. Она улыбалась и словно звала его к себе.

Артес поставил картину перед собой и подпёр подбородок. Где же она была на протяжении всех его 23 лет? Почему до сих пор он не видел этот образец законченного совершенства и очарования? Ему казалось, что он любил и раньше, но чувство, которое Мадлен всколыхнула в его груди, превосходило все прочие. Это чувство призывало его к героическим подвигам, путешествиям, открытию нового континента, который он бы назвал Мадлен, или хотя бы горы, равной Эвересту.

«Насколько было проще рыцарям, – глядя на портрет своего пра-пра-пра-прадеда, подумал Артес. – Вызвал бы негодного жениха на дуэль, победил бы его на турнире, тем самым завоевав сердце прекрасной дамы и снискав себе славу. Именно так сделал пра-пра... прадед. А что делать мне? Дуэли уже запрещены, поединки... разве что теннис или гольф. Слава... Можно пойти на войну, но пока я буду воевать, она уже станет женой проклятого Чартериса. Нет выхода, просто нет выхода!».

С этой трагичной мыслью Артес заснул, положив голову на письменный стол и грезя о прекрасной Мадлен.

Следующие недели Артес посвятил встречам с предметом обожания. Он ходил на все приёмы, выставки, концерты, оперы, где бывала Мадлен. Было очевидно, что его привязанность воспринимается благосклонно, а жених прекрасной дамы оказался существом без голоса, и, по всей видимости, ему было плевать на увивающихся вокруг невесты ухажёров.

Поздним вечером в среду, когда на небе повисла полная, бледная луна, Артес стоял около дороги, ведущей в предместья Лондона, и ждал автомобиль Мадлен. Он надеялся каким-то образом привлечь внимание возлюбленной и получить возможность перекинуться с ней парой слов наедине.

Артес был одет в свой лучший костюм, в руке держал букет алых, как кровь, роз.

Обстановка была ужасно романтической, и он чувствовал лёгкое приятное возбуждение. Позади него чернел лес, вокруг не было ни души. Конь Артеса нервно всхрапнул. Молодой человек обернулся и заметил странную серую тень, проскользнувшую позади лошади.

– Спокойно, Аполло, мы пристрелим любого волка, посягнувшего на нас или Леди Мадлен! – потрепав коня по холке, сказал Артес. Тем не менее, Аполло начал бить копытом и озирается.

Вдалеке послышался шум автомобиля. Артес оживился, поправил свой плащ, и приготовился к встрече с очаровательницей.

Когда машина поравнялась с молодым человеком, Артес уже собирался выскочить на дорогу и как-то задержать её, но внезапно в неверном свете луны узнал человека, который сидел на месте шофёра. Возмущённый до глубины души, Артес вскочил на Аполло и поскакал вслед за машиной.

Автомобиль доехал до поворота к знакомому Артесу поместью, описал круг у подъездной аллеи, и остановился около газона. Из машины вышли Мадлен и Джой, и, что-то обсуждая, прошли в дом.

Артес в ярости кинул на землю перчатку, привязал коня к дереву и пошёл к северному крылу здания. Он решил немедленно разобраться с неверным другом и посрамить распутницу, поехавшую в ночи в дом холостого мужчины. Молодой человек решил застукать любовников на месте преступления и заставить Джоя жениться на опозоренной им девице.

Молодой человек, не очень уверенный в том, что его действия можно квалифицировать как достойные уважения и благородные, прокрался по припорошённой ранним снегом лужайке к окну кабинета, где зажёгся свет и виднелись фигуры Джоя и Мадлен. Подоконник находился почти на уровне его глаз, а окно было открыто, так что, невидимый в темноте ночи, Артес мог следить за изменниками и слышать все, о чем они говорили.

– Послушай, Джой, нам лучше с тобой дружить, чем быть врагами, – произнесла Мадлен, присаживаясь на край дивана, на котором сидел в непринуждённой позе друг Артеса. – Я знаю, кто ты, я видела тебя в действии. У меня есть проблема с теми же личностями, которые досаждают тебе. Реши её – и нам обоим станет легче жить и дышать под одним небом. Я найду способ тебя отблагодарить.

– Дорогая Мадлен! – промурлыкал Джой. – Ты предлагаешь мне убить клан Мак Дуглов? Одному? Поверь мне, даже с моими навыками это довольно непросто. Твой жених попытался, и завтра утром его найдут мёртвым.

– Это огромная потеря, – потупив глаза, сказала Мадлен. – Я не любила его, но уважала. И он был выбран моим отцом. Теперь мне придётся найти себе другого.

– На меня можешь не рассчитывать. Я не создан для брачных уз, – отрезал Джой. – Как и для наёмной работы.

Артес радостно улыбнулся, поскольку понял, что избавился сразу от двух соперников. При этом он не очень сильно удивился, поняв, что Джой является, вероятнее всего, наёмным убийцей. С этим он решил разобраться позже и уже решил вернуться домой, когда следующая фраза Мадлен заставила его застыть на месте.

– Джой, я не могу приворожить этого мордоворота, Джека. А он решил заполучить мою книгу теней. Если он натравит свою свору на меня, то даже все защитные заклинания, которыми я располагаю, мне не помогут.

– Ну так отдай ему книгу, Ведьма, – усмехнулся Джой.

– Чародейка, – холодно поправила Мадлен. – И я не расстанусь со своей книгой!

– Попроси о помощи родню. Или магов твоего клана, – лениво посоветовал Джой.

– Не могу! – в отчаянии воскликнула девушка, заламывая руки. – Это часть моего испытания. Непосильного испытания. Его наложили маги огня, которые не хотят, чтобы мой клан стал сильнее! Но сейчас именно они являются главенствующей верхушкой, мы вынуждены им подчиняться. Только такой, как ты, может мне помочь.

– Мадлен, это против правил – заметил Джой, – и ты уверена, что хочешь прибегнуть к моей помощи? Помощи... такого, как я?

– Да, – уверенно ответила Мадлен.

– Ну, хорошо, – лениво произнёс Джой. – Тогда дай мне свою руку.

Он поднялся с дивана, взял со стены прекрасный турецкий кинжал, украшенный драгоценными камнями, и подошёл к Мадлен. Она вытянула руку и отвернулась.

– Моя плата будет велика, – процедил Джой, занося лезвие.

– Стой! – Артес в момент перескочил через подоконник, и кинулся к стоящим.

– А ты откуда тут взялся?! – закричал Джой, откидывая с нечеловеческой силой Артеса на диван. – Ты подслушивал?

– Да, я... Наблюдал. За вами, – вскочив вновь на ноги, заявил Артес. – Леди Мадлен! Не знаю, кто Вы, ведьма, человек, эльф, но я предлагаю Вам свою жизнь, руку и сердце! Кто бы ни угрожал Вам, я справлюсь с ним. Клянусь Вам своей душой!

Мадлен растерянно смотрела на Артеса. Джой тяжело вздохнул, повесил кинжал обратно на стену и сел в кресло у камина.

– Не будь ты моим другом, от тебя бы уже осталась горстка пепла. Глупец. Она ведьма. Вы никогда не сможете быть вместе. А отправляясь на сражение с её врагами, ты погибнешь. Я обещал твоей матери позаботиться о тебе.

– Ты не можешь остановить его, – внезапно сказала Мадлен. – Он поклялся своей душой, теперь он принадлежит мне.

– Только посмей... – прошипел Джой, встав перед ней в угрожающей позе.

– И посмею. Клятва священна. Он сразится за меня с оборотнями, – торжествующе сказала Мадлен.

Артес замер на месте, пытаясь осознать ее слова.

– Пойми, я маг, а мне угрожают оборотни. Это правда! – обратилась к нему девушка. – Посмотри! – она взмахнула рукой, и около потолка образовался маленький ураган. – Моя сила – воздух. Но он бесполезен против тёмных оборотней. Джой мог бы справиться с ними, но он не желает.

– Не желаю, – подтвердил Джой, прохаживаясь по комнате. – И тебе, Артес, не советую.

– Я справлюсь с кем и чем угодно, если Вы станете моей! – воскликнул Артес, которого существование магии и оборотней чрезвычайно восхитило.

– Отлично, тогда до восхода новой Луны ты должен уничтожить их главаря. Логово этих проходимцев находится недалеко от Лондона, я дам тебе карту. Это заброшенное поместье. Помни, оборотни почти необратимы.

– Что это значит? – спросил Артес.

– То, что они почти всегда находятся в своём животном виде и совершенно озверели, – мрачно пояснил Джой. – Ладно, Мадлен, ты выиграла. Я пойду с ним.

– Ох, мне сразу стало так спокойно! – девушка радостно захлопала в ладоши, и её зелёные глаза засветились в темноте гостиной. – Тогда я возвращаюсь в моё поместье и буду ждать от Вас новостей.

Она порывисто сжала руку Артеса, и выбежала из комнаты.

– Ты ввязался не в свой мир и не в свою войну, Артес, – заявил Джой. – Но чем быстрее мы покончим с этой глупостью, тем лучше. Правда, для начала я расскажу тебе немного о магии, оборотнях и прочем.

Мужчина подошёл к камину, нажал на несколько камней, после чего в стене рядом открылся тайный проход. Артес последовал за своим другом в темноту коридора, по которому они спускались все ниже и ниже, пока не достигли кованой двери. Джой что-то прошептал, и она открылась.

Теперь они находились в просторном зале, по стенам которого были развешаны самые странные чучела – тут были огромные волки, медведи, русалки, тролли и множество других непонятных созданий, названий которых Артес не знал. Под чучелами стояли длинные столы, на которых дымилось что-то в колбах, а в клетках сидели унылые сказочные существа. Джой опять что-то прошептал, и над клетками развеялась еда, которую создания стали жадно хватать.

– Это моя лаборатория. Я – маг. Это означает, что я не человек, как ты, Артес.

– Разве маги не люди? – разглядывая полу-птицу, полу-рыбу, которая прыгала из маленького прудика на ветки деревца и обратно, спросил Артес. Его голова шла кругом от всех этих событий.

– Нет. Маги – создания природы и эфира. Есть четыре основных клана – естественно, это вода, воздух, огонь и земля. Твоя драгоценная Мадлен – маг воздуха. Слабенький, но с амбициями. Изначально я принадлежал к клану огня, но стал некромантом. Это пятый, запрещённый клан магии. Чтобы стать таким магом, надо отказаться от своей природной силы в пользу темной стороны, Хаоса. Это раскрывает свободу и кучу возможностей, но таит свои недостатки, например, невозможность иметь наследников. Объясню, почему. Маг рождается следующим образом: двое влюблённых жертвуют перед алтарём магии частичками своей энергии, из которых появляется новое существо. Через 40 дней после своего появления на свет этот дух приобретает форму человека и получает определённый пол. Маги огня могут соединять свою энергию только с членами своего клана, как и маги воды, воздуха и земли – только со своими. Именно поэтому маги-некроманты не могут иметь наследников. Мы теряем свою изначальную энергию, а наш алтарь может только забирать что-то, а не создавать новое. Теперь об оборотнях. Они тоже разделены на 5 кланов: превращающиеся в животных, в магические существа, в растения, в людей и в демонов. Есть и еще один особый Клан... Но про него я знаю

немного. Судя по всему, они есть по сути своей звери, которые способны принимать облик людей, а не наоборот...

– Что значит оборотни, превращающиеся из людей в людей? – удивился Артес.

– То и значит, – роясь в сундуке, полном старинного оружия, ответил Джой. – Такой оборотень может стать другим человеком. При этом он действительно становится другой личностью, с другими пристрастиями, вкусами, интересами. Такие оборотни самые могущественные. Некоторые из них могут разделять свою сущность. Когда-то мне говорили об оборотне, который создал пять сущностей, каждая из которых была оборотнем. И каждая из этих частей создала ещё по пять сущностей. И так далее. В конце, по миру ходили сто частей одного оборотня. Его, конечно, убили. С трудом.

– Как его могли убить? – поразился Артес, дотрагиваясь до красивого резного арбалета. – Он же мог себя размножить до бесконечности!

– Не мог, – отобрав у него арбалет, отрезал Джой. – Любой оборотень – это личность. Когда ты становишься, например, зверем, то начинаешь всё больше походить на животное. Если пробыть в обращённом состоянии слишком долго, то станешь зверем навсегда. И потеряешь себя. Это происходит с врагами Мадлен. Представь себе, что ты, твоя суть разделена на сто частей. Это и без того очень трудно, а если слишком долго пробыть в таком разделённом состоянии, то изначальная личность просто исчезнет. И тут есть два варианта – либо все его части исчезнут вместе с ним, либо начнут существовать самостоятельно. Желających проверить не было. И не будет. Поэтому любой оборотень на время принимает свой естественный вид, и в этот момент он уязвим. Так убили того бедолагу. Дождались, пока он не собрался в одно, усыпили его, и убили.

– А магические животные?

– Таких оборотней тоже осталось мало. Раньше они обращались драконами, русалками, троллями и прочей нечестью. В наш век дракона бы взорвали, русалку исследовали в лабораториях, а троллей пристрелили. Поэтому такие оборотни вообще не используют свой дар и с течением времени становятся обычными людьми. Оборотни-демоны же обычно становятся просто демонами. Так проще. И уходят в астрал.

– Так, значит, сейчас остались одни оборотни-животные? – спросил Артес, принимая от Джоя пистолет, который тот зарядил серебряными пулями.

– Остались все, но просто в некоторых видах сохранились единицы. Есть одна легенда, что может появиться супер-оборотень, который объединит в себе все виды и сможет возродить кланы. Но это будет после какого-то очень глобального события, о которых древние пишут расплывчато. Что-то о маге, о предназначении, о гибели рас... Не знаю. – Джой сунул в карман какие-то колбы, не глядя на Артеса. – Этот маг, который изменит ход истории, будет отмечен специальным знаком. Но вроде как никто не знает, какой этот знак и к какому клану будет принадлежать этот маг.

– Звучит зловеще, – заметил Артес.

– Мдам, – кивнул Джой, странно взглянув на Артеса. – Бери оружие, и поехали.

Мужчины сели в огромный автомобиль Джоя и помчались в ночи по извилистым дорогам к логову врагов Мадлен.

– Какой у нас план? – выйдя из машины, спросил Артес, дрожа от нетерпения.

– Войти внутрь и всех перебить, – спокойно сообщил Джой. – Кстати, забыл тебе сказать, – он захрипел, и одежда на нем стала рваться, руки вытянулись, превращаясь в лапы, а тело, выгибаясь, обратилось в плоть огромной черной пантеры, морда которой обернулась к Артесу. – Я маг-оборотень, – жутким голосом закончил Джой. – Около 150 лет назад, после того, как я примкнул к клану некромантов, меня укусил оборотень. Будь я нормальным магом, я бы умер, поскольку чистая энергия магии не может соединиться с энергией оборотней или вампиров. Но некромантия, как я уже говорил, имеет свои преимущества. Я стал оборотнем,

оставшись при этом магом. Таких, как я, почти нет. И это будет нашим шансом на победу над этими глупыми псами! За мной!

С жутким рыком Джой проломил дверь заброшенного на вид дома, к которому они подъехали, и исчез в темном проёме. Артес помолился и последовал за ним.

После того, как его глаза привыкли к темноте, он быстро побежал вперёд, ориентируясь на слух. Где-то рядом раздался рык и грохот мебели. Артес увидел свет, выставил перед собой два заряженных пистолета и влетел в комнату. Посреди помещения крутились два серых волка, пытаясь вцепиться в превосходящего их по размерам Джоя, а из соседнего зала в дверь пролезали ещё несколько тварей.

Артес тщательно прицелился и разрядил пистолеты в волков, целясь в сердце. Один из них упал замертво, превращаясь в человека. Второй обернул морду в сторону Артеса и был безжалостно растерзан Джоем.

Пролетевшие сквозь вторую дверь волки кинулись к нападающим, поэтому Артес достал серебряный меч, поблагодарив мысленно опекуна за то, что тот насильно отдал его на уроки по фехтованию и владению холодным оружием в детстве.

Он проткнул одного из прыгающих на его зверей и застрелил нападавшего со спины на Джоя. Сзади раздался ужасающий вой, Артес резко обернулся, но огромный разъярённый монстр, появившийся из темноты коридора, отшвырнул его в сторону, разодрав до костей ногу молодого человека, и кинулся к Джюю. Между гигантскими зверями завязался бой. Артес, стиснув зубы, пополз к двери, стараясь прицелиться в противника, но в этот момент Джой неимоверным усилием откинул от себя вожака, за секунду обернулся в человека и выпустил в зверя огненную молнию. Пока тот катался по полу, сбивая пламя, Джой выхватил из рук Артеса ружье и разрядил серебряные пули в оборотня.

– Браво, мой друг! – оживлённо прокричал Джой, быстро наколдовав себе одежду. – Но ты сильно ранен. Надо срочно вернуть тебя в моё поместье. Там есть эликсиры быстрого заживления.

Как прошёл обратный путь, Артес не помнил. Он проваливался в облака боли и вновь выныривал из них. В какой-то момент мучения его стали столь нестерпимы, что он целиком погрузился в милосердную темноту.

Очнулся он от странного покалывающего ощущения в ноге. Боли не было. Он открыл глаза и увидел плачущую подле него Мадлен.

– Джой, он очнулся! – вытирая слезы, воскликнула она. – О, мой храбрый герой!

– Ну-ну, нога почти совсем зажила, все не так страшно, – успокаивающе произнёс подошедший Джой, протягивая Артесу чашку. – Выпей, это окончательно восстановит твои силы. Ты у меня дома, оборотни все уничтожены.

Артес осмотрел комнату, узнал в ней свою обычную спальню, где его всегда размещал Джой, приглашая в гости, и успокоился. Его сердце наполнилось блаженством. Мадлен была рядом, она плакала из-за него! Она любит его!

– Леди Мадлен! – произнес он, глядя на предмет своих мечтаний. – Теперь окажете ли Вы мне честь стать моей женой?

Девушка, только что успокоившаяся, снова разразилась рыданиями.

– А теперь мы переходим к той части, в которой я тебе говорил забыть о сей прелестнице, – наставительно изрёк Джой. – Помнишь мой рассказ о магах? Как рождается новый маг? Соединение энергии? Сам сообразишь или тебе разжевать?

– Не понимаю, – помотал головой Артес, сжимая руку Мадлен и смутно ощущая, что его забрезжившее счастье улетает в никуда.

– Маг не может быть связан любовными узами с человеком. Не может стать отцом или матерью человека. У человека нет энергии, нет магии. Теперь понимаешь? Леди Мадлен может стать женой только мага, и только клана Воздуха! – пояснил Джой, с жалостью глядя на Артеса.

Тот замер, потрясённый всем ужасом этой новости.

– Я бы отказалась от магии, возможно, – прошептала Мадлен. – Но мой отец, моя семья, счастье быть матерью... Я не могу потерять все это. А если я обреку себя на судьбу простого человека, то мой клан отвергнет меня!

Артес задумался. Его характер не позволял ему смириться с таким положением дел. Он смотрел на Джоя.

– Ты отказался от своей стихии, стал некромантом, а потом и оборотнем, так? – спросил он.

– Да, – внимательно глядя на него, подтвердил Джой.

– А это почти невозможно. Или адски трудно, иначе таких, как ты, было бы много.

– Ты прав, – спокойно кивнул Джой. – Испытания не проходит большинство магов, алтарь некромантов не принимает всех подряд, а выжить после укусов оборотня мне помогли уникальные, старинные рецепты и одна легенда, о которой мало кто знает.

– Да, – кивнул Артес. – Значит, в мире магии возможны самые уникальные и удивительные вещи. Значит, если один человек очень захочет стать магом, то можно найти способ сделать его таковым. Как один маг может стать оборотнем.

Мадлен и Джой в замешательстве посмотрели на него.

– Боюсь, что это невозможно. Такого никогда не было. Магом или рождаешься, или нет. И все, – глотая слезы, протянула Мадлен.

– Ну, не совсем невозможно, – вдруг сказал Джой. Он походил по комнате, глядя на повернутые к нему с надеждой молодые лица, и решился. – Разбирая вещи твоего отца, я нашел интересный манускрипт. Ты, должно быть, уже сообразил, что твои родители знали о моём истинном происхождении и приняли его как должное. Твой отец очень интересовался магией, даже когда-то лелеял мечту стать магом или хотя бы колдуном. Его всегда влекло неведомое и чудеса. Во время своих путешествий он натолкнулся на один древний текст, который передал мне для изучения. В нем описан ритуал, который может совершить человек, чтобы стать магом. Есть одно условия – далеко не каждый человек может пройти такое испытание, и есть вероятность, что тот, кто попытается, погибнет. К тому же это займет довольно много времени – путь до алтаря Воздуха неблизкий, и идти тебе надо не через наш мир, а через Запределье. Иначе маги почувствуют твое присутствие, а что-то мне подсказывает, что обращённый в мага человек им придётся не по вкусу.

– Мне всё равно! – воскликнул Артес. – Я готов на все ради моей прекрасной Мадлен. А что это – Запределье?

– Это мир, существующий параллельно нашему. Если ты пойдёшь земным путём, то тебя будет легко отследить магам. Поверь мне – ты этого не хочешь. Если маги любого клана узнают, что человек пытается пройти ритуал – они сразу попытаются убить тебя. В Запределье же маги появляются не часто, и сама его двойственная природа не позволит отследить твой маршрут.

– Запределье так Запределье. Мадлен, ты будешь ждать меня? – спросил решительно Артес.

– Да, да, и ещё раз да! – горячо произнесла чародейка. – Моё сердце принадлежит тебе. А когда ты вернёшься магом, то получишь и мою руку.

– Тогда дайте мне неделю, чтобы подготовить описание ритуала. Алтарь клана Воздуха находится в Тибете. Тебе надо будет проехать большое расстояние, чтобы добраться туда, опасными тропами незнакомого тебе мира.

– Я готов на все, – уверенно сказал Артес, чувствуя прилив сил.

– Вижу, вижу, – усмехнулся Джой. – Шестьсот лет назад и я был молод, так что могу тебя понять. А теперь отдыхай, а Вам, леди Мадлен, пора вернуться домой и сообщить о победе над оборотнями Вашему клану.

Девушка помедлила, затем повернулась к Артесу и прижалась к его губам страстным поцелуем.

– До встречи, мой избранный! – прошептала она и вышла из комнаты.

Весь ужас и страх происшедшего оставил Артеса, он блаженно улыбнулся и откинулся на кровати. Все будет легко и просто. Он доберётся до Тибета, закончит ритуал, станет магом и наконец-то женится на Мадлен. И у них будет много-много маленьких магов.

Джой, прочитав его мысли, слегка ужаснулся легкомыслию приятеля, но идея, взращиваемая годами в его душе, которая заставила его предложить все это опасное мероприятие, удержала его от каких-либо действий. Все было предрешено, и, если он не ошибся, план Великих осуществится.

На следующее утро, не мешкая, Артес примчался к своему опекуну, готовый по первому его слову двинуться в путь. Джой встретил его в домашнем тёплом халате и дурном настроении. Его одолевали сомнения в отношении всего похода в целом и готовности Артеса к таким испытаниям.

– Дорогой мой мальчик! – играя бокалом с коньяком, протянул Джой, глядя на покрытые изморозью начала осени деревья за окном, которые сияли под первыми лучами солнца. – Как мне нравится эта твоя решительность и прямолинейность. Для тебя существует только чёрное или белое, любовь или ненависть.

– Ну что ты! – слегка шокировано отозвался Артес. – Конечно, я могу испытывать и другие эмоции и чувства.

– Я не об этом, мой юный друг, – усмехнулся Джой. – Ты влюблён. И влюбился за секунду. Ты же даже не знаешь Мадлен, но уже она стала для тебя ангелом с небес.

– Не нужно надевать очки, чтобы увидеть блеск бриллианта, – оскорблённо отозвался Артес и упал на покрытый шкурой золотой рыси диван. – Между прочим, ты сам сказал мне, что Мадлен – прекрасная девушка. И что мой выбор правилен. Хотя выбирал не я, а моё сердце.

– Я рад, что моё мнение столь значимо для тебя, мой мальчик, – сверкнул глазами Джой. – И да, ты прав – я не мог бы желать для тебя другой любви. Мадлен идеально тебе подходит. Будто я сам её выбрал для тебя, – Джой усмехнулся. – Но всё равно. Ты очень решителен и прямолинеен в своих чувствах. Такая страстная любовь может стать страстной ненавистью.

– Человек или добрый и хороший, или негодяй, – решительно заявил Артес, – нельзя быть наполовину подлым или слегка добродетельным.

Джой, закинув голову, неожиданно звонко рассмеялся.

– Обожаю слушать твои рассуждения, дитя. Так же говорила твоя мать, – тут Джой помолчал. – А я очень любил её. Так же, как я люблю тебя.

– Ну вот, – кивнул головой Артес, проводя рукой по мягкому меху. – Например, ты всегда учил меня отличать плохое от хорошего. Наверняка мои родители хотели бы научить меня тому же. Я доверяю тебе, как доверяли они. Иначе ты бы не стал моим опекуном после их смерти, – молодой человек помолчал, потому что в его голове пронеслись тёплые образы – серебристый смех матери, светлая улыбка отца – его родители, которых он очень плохо помнил.

– Твои родители были мне очень дороги, – серьёзно сказал Джой, садясь в высокое кресло у камина. – Твой отец считал меня своим другом. А твою мать я боготворил как женщину, как личность.

– Боже мой, Джонатан! – воскликнул Артес, приподнимаясь. – Ты говоришь так, словно был влюблён в мою маму!

– Смейся, смейся, мальчик, – разглядывая пламя камина, отражавшееся в бокале, спокойно сказал Джой. – Но ты прав, я любил твою мать и хотел на ней жениться. Это единственная женщина, которая могла бы стать моей женой. Но твой отец... оказался счастливее меня и сумел завоевать ее сердце. Не бойся, я не таил на него зла, – Джой посмотрел на Артеса. – Я даже был рад, что всё так сложилось. Они были прекрасной парой, и я не смог бы дать ей того, что дал твой отец – тебя. А ты был ценен для нас всех.

Артес внимательно посмотрел на него. Он давно догадывался, что Джой с трепетом относился к его матери, так что заявление опекуна не очень его удивило.

– Я пойду соберу вещи в путь. Думаю, я возьму всё то, что держу в своей комнате в твоём доме. Там как раз есть одежда для похода, ранец, фляги – всё, что я использовал во время последней научной экспедиции в университете, – сказал он, поднимаясь с дивана. – И ещё раз благодарю тебя за твои советы и помощь. Для меня ты стал настоящим отцом, и я уверен, что ты был хорошим другом для моей матери.

Джой улыбнулся и кивнул ему, прикрыв глаза.

Когда Артес вышел из комнаты, его опекун подошёл к сидящему на окне ручному ворону, который дремал во время их беседы.

– Видишь, Демос, из меня вышел неплохой отец, – почёсывая черные перья птицы, протянул он. – Мальчик чудесный. Пока он видит всё только в белом. И всегда встаёт на сторону добра... Но что будет, если когда-нибудь всё светлое в нем обратится во тьму? С такой же страстью он будет ненавидеть, а не любить? Уничтожать, а не создавать? Тот, кто не видит оттенков, становится великим. И только время покажет, чью сторону примет это величие.

На сборы Артес потратил немного больше времени, чем ожидал. Джой настоял на походе по магазинам, где Артесу купили дорогую и прочную одежду, более вместительный рюкзак с набором фляжек, после чего у оружейника Джоя молодой человек взял удобные кинжалы, которыми владел в совершенстве, и широкий меч, который, как сказал Джой, был изготовлен в глубокой древности эльфами. Как объяснил Джой, в Запределье это было самым подходящим оружием. На меч были нанесены старинные руны, которые помогали его обладателю убивать демонов, оборотней и прочую нечисть. Впрочем, Джой напомнил, что не всех оборотней можно убить мечом, и посоветовал захватить пистолет с серебряными пулями и целиться в голову и сердце – тогда уж точно будет время разрубить врага на части, не дожидаясь, пока он очнётся. Таким образом, подготовленный к разным неожиданностям, Артес оказался на вокзале, чтобы сесть на поезд, который должен был отвезти его в далёкую и неведомую страну – Россию. Именно там ему предстояло встретиться со своим проводником по Запределью, выбранным Джоем.

Опекун Артеса настаивал на том, что тот шёл не один – несмотря на подробные карты и указания, местность в Запределье часто менялась, там жили неведомые ему существа, к встрече с которыми Джой не мог его подготовить. Когда-то проводник, которого звали Ладимир, задолжал Джоем услуги, и тот решил, что помощь Артесу будет достаточной платой.

Мадлен куталась в лёгкую шубку и никак не хотела отпустить руку любимого.

– Ты точно не можешь поехать со мной? – слегка неуверенно спросил Артес Джоя.

– Точно, – покачал головой его друг. – Я присоединюсь к тебе позже, уже в Тибете, до которого тебя доведёт Ладимир. На всякий случай я даю тебе список с указанием того, как проводится ритуал. У меня тоже есть такой. Храни его, как зеницу ока. Передавай привет русскому другу.

Артес нежно поцеловал Мадлен, пожал руку Джоем и вскочил в поезд. Впереди ждали заснеженные просторы России и новая, таинственная жизнь.

Артес почти не заметил, как прошло долгое путешествие до Москвы. Слякотная, но тёплая осень Англии осталась позади, а впереди ждали холода России.

Хотя на дворе стоял октябрь, температура колебалась около ноля градусов, что для привыкшего к теплу Англии Артеса было холодновато. Поезд не очень хорошо отапливался, поэтому молодой человек кутался в свой лёгкий, изящный плащ и искренне жалел, что не взял у Джоя предметов под названием кожаных и валенок. Тот утверждал, что они хорошо согревают. Подмосковье показалось Артесу довольно унылым, с разбросанными тут и там не очень ухоженными деревеньками, странными деревянными домиками разных цветов и бедно одетыми людьми. По сравнению с ухоженными, чистыми деревнями Англии, тут все выглядело довольно убогим. Тем не менее, природа была великолепна. Деревья ещё не до конца скинули листья, поэтому леса пестрели самыми разными оттенками красного, жёлтого и оранжевого. Всё было таким первозданным, не тронутым рукой человека. Около самой Москвы проводник предупредил пассажиров о прибытии и в последний раз разнёс горячий чай по всем купе.

Со скрипом и тяжёлыми вздохами поезд остановился у перрона. Артес подхватил свой рюкзак с вещами и, полный энтузиазма, слез с подножки.

Остальные пассажиры быстро разошлись в разные стороны. Было очень рано, около пяти утра, и на небе ещё сияли звезды. Туман рваными клочьями расползался по рельсам, на которых лениво лежали бродячие псы.

Артес остался один на перроне и почувствовал себя не очень уютно. Совсем не по себе ему стало, когда он почувствовал на себе чей-то взгляд. Он огляделся, но никого рядом не увидел.

Так он прождал десять минут, прежде чем обнаружил, что смотрит на молодого человека, который стоит шагах в десяти от него, прямо под фонарём, и бесцеремонно его разглядывает.

Артес не знал, как будет выглядеть его проводник, но сразу понял, что это он. Именно таким должен был быть человек, знающий тропы фантастического параллельного мира.

На вид ему было лет двадцать, но на самом деле, вероятно, больше. Невысокий, худощавый, курносый, с чёрными густыми волосами и светлыми жёлтыми глазами, одет в чёрное, и костюм его слегка отдавал средневековьем.

Некоторое время молодые люди молчали. Потом проводник решил, что нужно поздороваться, и сделал это в сугубо своеобразной манере.

– Близ Рэдинга есть в Рэдингской тюрьме позорный ров, злосчастный человек одет в нём в пылающий покров. Лежит он в саване горящем – и нет над гробом слов (О.Уайльд, «Баллада Рэдингской тюрьмы»).

Произнесена эта дикость была на чистейшем английском языке почти без акцента.

Артес, который только что подбирал слова для приветствия, оцепенел от удивления и ничего не сказал.

Впрочем, проводник и не нуждался в ответе. Он пошёл прочь, велев Артесу кивком головы следовать за собой.

Молодые люди прошли через ряд залов и оказались на площади. Там их поджидали две лошади, подобных которым Артесу не приходилось видеть. Он сообразил, что это ахалтекинцы, но так близко и таких ахалтекинцев он ещё не видел.

Один из коней, светлоглазый, изабелловой масти, казался призраком в свете наступающего дня. Высокий, лёгкий и стройный, как гепард, с тонкими мускулистыми ногами и бархатистой, отросшей к зиме шерстью, он лишь повернул ухо в сторону молодых людей. Второй конь, гнедой, был мощнее и грубее на вид, но ноги и у него были сухие, с хорошо отбитыми сухожилиями. Чёрные тяжёлые плащи укрывали спины жеребцов.

Ладимир, который и не подумал представиться, подошёл к изабелловому красавцу, сдёрнул с него плащ и набросил себе на плечи. Потом он заговорил с сильным акцентом, неприязненно щурясь на Артеса:

– Поедем верхом. Гнедой – твой, и не дай Бог ты собьёшь ему спину. Запасных лошадей нет и не будет, так что в таком случае пойдёшь пешком. Ехать будем по Запределью... думаю, ты и так это знаешь. Природа похожа на здешнюю, обитатели несколько другие, – и Ладимир усмехнулся. – Ещё одно. С конём обращайся мягко и вежливо, иначе он сделает тебе какую-нибудь гадость в самый неподходящий момент.

С этими словами Ладимир принялся в последний раз осматривать снаряжение и лошадей, предварительно кинув Артесу плащ со спины Гнедого. Он явно считал, что сказал достаточно, но его спутник был с ним не согласен.

– Про Запределье мне уже сообщил лорд Эйр, – любезно сказал Артес, проигнорировав странные манеры проводника. – Поэтому я в курсе, что мы пойдём этим путём. Лорд Эйр также передал тебе свою благодарность за оказываемую помощь. Не сомневаюсь, что он выскажет её лично, когда мы достигнем Алтаря. Может быть, мне стоило привезти своего коня?

– Если ты им дорожишь, то не стоило, – сказал Ладимир, пролезая под животом Гнедого. Конь, очень заинтересованный его действиями, вывернул длинную шею и внимательно за ним наблюдал.

– Дорожу, чрезвычайно, – сказал Артес, улыбнувшись. – В таком случае, я благодарен за возможность поездить на таком прекрасном животном. Между прочим, Джой дал мне карту с маршрутом и указаниями, как мы можем добраться до алтаря, – он протянул Ладимиру красиво оформленную бумагу, расписанную прямым и чётким почерком Джоя.

Ладимир, который в этот момент уже осматривал уздечку, взял у него карту, едва взглянул на неё, скривил рот и убрал её за пазуху.

– Садись в седло, – сказал он, вскакивая на своего Бешеного. – Пора.

Артес легко взлетел в седло и обнаружил две вещи. Во-первых, Гнедой настроен был вовсе не благодушно, как можно было подумать по его флегматичному виду, а во-вторых, ноги у него были действительно хороши, особенно задние. Едва Гнедой почувствовал на своей спине всадника, как он без малейших усилий встал на свечку, взмыл в воздух и приземлился на передние ноги. Артес легко удержался в седле, хоть этот прыжок и явился для него полной неожиданностью.

Ладимир с восторгом посмотрел на Гнедого.

– Какая лансада! – восхитился он. – Чисто сделано. А вас, оказывается, тоже чему-то учат!

И он потрепал коня по шее.

Гнедой явно остался в полном удовлетворении, чего об Артесе сказать было нельзя.

– Почему лошадь в недоуздке? – спросил он.

– Это бестрензельная уздечка, если ты не заметил. Правда, нашей конструкции, так что на самом деле можно перепутать... Эти лошади не знают, что такое железо. Кстати, о железе.

Он подъехал к Артесу, снял с его седла плётку и прицепил к своему.

– Тебе не нужно, – объяснил он Артесу и поехал вперёд.

– Совершенно согласен, – серьёзно кивнул Артес. – Плётки – совершенно варварские методы контроля лошадей.

– А мы их для лошадей и не используем. Ударить коня – значит оскорбить его. Плеть может сослужить хорошую службу, если нужно продраиться через толпу, да и в бою лишней не окажется.

Тем не менее, Артес подумал про себя, что Джой выбрал ему в спутники исключительно странную и мрачноватую личность. Впрочем, Джой часто и сам был странным и мрачноватым, так что, видимо, он выбирал друзей по себе.

Кони шли плавным широким шагом по осеннему лесу. Их ноги утопали по бабки в опавших листьях. Мимо проплывали золотые и багряные кустарники, рябые стволы берёз, с прозеленью – осин. Артесу казалось, что он едет по сказочному золотому царству. Было очень тихо, слышалось лишь шуршание листьев под копытами коней да теньканье синиц.

– Джой сказал, что ты должен был оказать ему услугу. Это так? – поинтересовался Артес, разглядывая странные деревья, мимо которых они проезжали.

Ладимир сдержал Бешеного, поравнялся с Артесом и внимательно посмотрел на него.

– Я должен был оказать ему услугу?

– Он мне так сказал.

Ладимир хмыкнул.

– Интересно. Получается, что я остался у него в долгу за то, что помешал одному из своих лучших друзей разmozжить ему голову. Любопытный взгляд на события. И ведь просили меня не мешать...

Тут пришло время недоумевать Артесу.

– Прости... но я, кажется, не совсем тебя понял. Ты его спас?

– Ну да. Но бес меня задери, если я помню, чтобы он когда-либо спасал меня. Собственно, у него даже и возможности такой не было.

– Забавно. Мне трудно представить себе, что Джой когда-то мог проиграть кому-то. Видимо, тогда он только-только стал оборотнем, – удивился Артес. – Он и мечом владеет превосходно, и вообще любым оружием.

Ладимир промолчал и лишь усмехнулся презрительной ухмылкой, которая, как мог заметить Артес, вообще была ему свойственна.

– Я думаю, у всех бывают плохие дни. Надеюсь, что наши будут только хорошими. А что ты за оборотень?

– Рысь, – коротко ответил Ладимир.

Артес подумал и задал следующий вопрос:

– Я так понял, что маги не любят оборотней, не так ли? Это странно, вы же все являетесь представителями волшебного мира. Не проще ли жить в мире? Как я понял, вас заботят только ваши проблемы, и вы хотите, чтобы просто вас никто не трогал. И вы никого не трогаете.

Ладимир слушал, выразительно вздёрнув бровь, как будто у него были возражения, но он не собирался ими делиться.

– Эльфы заботятся о природе, создают произведения искусства, красоту. Маги контролируют силы земли, балансируют материю волшебства. Какая польза от оборотней и вампиров? Мне кажется, никакой, – задумчиво произнес Артес. – Как и от людей, впрочем. С другой стороны, мне предстоит многое узнать в этом походе. Про оборотней в том числе. Джой сказал, что в Запределье живут уникальные животные и существа, которых нет на Земле.

Ладимир сощурился, глянул в сторону, не спеша вытащил кинжал и стал его рассматривать. А он того стоил – длинное светлое лезвие с желобком для стекания крови и искуснейшей резьбы рукоять из чёрного серебра. Артес тоже засмотрелся на него – работа была изумительная и при этом совершенно не похожа на эльфийскую.

Ладимир убрал кинжал в ножны и погнал коня вперёд, напевая: «И вот мы шли в том мире Божьем не как всегда – о нет! В одном лице я видел бледность, в другом – землистый цвет, и я не знал, что скорбный может так поглядеть на свет» (О.Уайльд, «Баллада Рэдингской тюрьмы»).

Артес глубоко задумался, поэтому больше не задавал никаких вопросов, чтобы не досажать своему и без того странному спутнику.

В призрачном мире, по которому они ехали, везде раздавались странные звуки, таинственные тени мелькали по сторонам. Пару раз в глубинах леса виднелись черные единороги, исчезающие при приближении всадников.

Артес ощупал висящий у него на боку меч, выкованный из эльфийского серебра, потом подержался за талисман из аквамарина, висящий на шее и призванный защищать его от созданий мрака. Эти предметы странным образом успокаивали невольное волнение, которое он ощущал. Около сердца, в кармане рубашки из тонкого, но прочного шелка, он хранил портрет Мадлен в маленькой золотой рамке.

Путь к Белым Горам лежал через многие километры неизведанных земель, которые были знакомы только Ладимиру. Они почти ничего общего не имели с дорогами человеческого мира и таили в себе массу опасностей. Джой посоветовал Артесу не доверять никому, в том числе и спутнику-оборотню, и держать ухо востро.

Молодой человек довольно легкомысленно отнёсся к этому предупреждению, поскольку какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что пока его цель совпадает с целью Ладимира, тот не оставит его в беде. А если цели разойдутся, то хорошо бы к этому времени уже быть вместе с Джоем. Артес был уверен, что в этот раз победить его уже не сможет никто, потому что маг, в крайнем случае, просто перенесёт их на сто миль от врагов, предварительно подпалив последних или всё вокруг них. Вторым вариантом, который ему описал Джой, был вызов двух-трёх десятков мертвецов, бывших охотников за оборотнями, которые надолго бы задержали внимание любого рвущегося к бою противника. Главное – добраться до алтаря и Джоя, решил Артес, продолжая следовать за своим таинственным провожатым, который, как ему показалось, представлял из себя большее, чем простая рысь.

После захода солнца Ладимир решил сделать привал возле небольшого лесного озера. Было холодно, небо, по которому днём плыли растрёпанные серовато-жемчужные облака, теперь расчистилось, и на нём переливалось бессчётное число ярких звёзд. Ладимир тщательно вычистил лошадей и отпустил их пастись на свободе – ни стреножить, ни надеть на них недоузки он не посчитал нужным.

Артес стоял перед озером. Оно было очень живописно, но тёмная вода, хоть и отражала блеск звёзд, вряд ли была чистой. Не говоря уже ни о чём другом, для купания было холодно-вато. Однако Артес привык к ежедневному душу два раза в день обязательно, а то и чаще.

Пока он раздумывал, пытаясь решить это противоречие, Ладимир подошёл к озеру и кинул в воду маленький камешек, у самого берега. Камень тихо булькнул и пошёл ко дну. Ладимир немного послушал, потом разделся и полез в воду.

Артес с сомнением наблюдал за ним. Ему было ясно одно – у берега не так уж и мелко, проводнику вода доходила до груди.

– Дно песчаное? – спросил Артес.

Ладимир расхохотался.

– Разумеется! Песок жёлтый как золото и мелкий как соль!

И он негромко запел неожиданно звонким голосом:

– Водица озёрная, сестра наречённая, ночи чернее, неба светлее, смой с тела болезни, с души тревоги, напасти с буйной головушки...

Окунувшись несколько раз, Ладимир выбрался на берег, встряхнулся и, накинув плащ на плечи, пошёл к костру греться.

Артес опустился на одно колено и зачерпнул немного воды ладонью. В воде были видны мелкие, как порошок, частицы. «Илистое дно», – понял Артес, и ему окончательно расхотелось лезть в чёрную холодную глубину.

Рядом с озерком журчал родник, обложенный гладкими белыми камнями. Артес умылся ледяной водой из родника, обтёр тело мягкой хлопковой тряпкой, побрился бритвой, которую вёз с собой в дорогом кожаном футляре и, освежив щеки лосьоном, вернулся к костру.

– Здесь, наверное, недалеко посёлок? – спросил он у проводника. – Может быть, разумнее было бы переночевать там?

– Здесь глушь на многие километры вокруг, – ответил Ладимир.

– Странно. Родник расчищен, и кто-то обложил его камнями – явно для того, чтобы он был заметнее.

– Атроксы. Это их земля, они её патрулируют. Живут они севернее.

– Кто? – спросил Артес.

– Атроксы, одни из Звероподобных. Их ещё называют Крылатыми или Драконами – за крылья за спиной, – невразумительно ответил Ладимир. – Думаю, мы их встретим.

Артес решил не расспрашивать больше. Ладимир был не расположен к разговорам, да и большого смысла расспросы не имели, раз всё равно предстояла встреча с этими существами.

После ужина, состоявшего из хлеба и каши, которую Ладимир сварил в котелке над огнём и которая имела, с точки зрения Артеса, отвратительный привкус железа, Артес спросил:

– Как будем дежурить ночью?

– Ложись спать, – сказал Ладимир, укрывая плащами лошадей. – Надо будет, я тебя разбужу.

Артес кое-как закутался в свой английский плащ, не без сожаления вспоминая о тяжёлом тёплом плаще, под которым сейчас грелся Гнедой. К тому же он обнаружил, что Ладимир себя не обидел: Бешеный лёг возле костра, аккуратно подобрав под себя длинные ноги, а Ладимир устроился возле его бока, укрывшись заодно плащом. Гнедой подумал и тоже лёг рядом с Бешеным.

Артес размышлял, стоит ли ему последовать примеру Ладимира. Проводник ничем не рисковал, ложась так близко от лошадиных копыт: Бешеный даже переместил ноги, чтобы хозяину было удобнее. Но вряд ли Гнедой будет столь любезен...

Всё-таки он тихо подошёл к Гнедому и лёг рядом. Конь не протестовал; он не протестовал даже тогда, когда Артес осторожно накрылся краем плаща. Артес, радуясь, что нашёл-таки общий язык с лошастью, заснул. Минувший день утомил его не столько физически – нужно было что-то существенно большее, чтобы Артес действительно почувствовал себя уставшим, – сколько обилием новых впечатлений и необходимостью держаться настороже, так как Ладимир отнюдь не внушал доверия.

Что касается Гнедого, то его неожиданное добродушие было вызвано не симпатией к седоку, а всего лишь свойственной ему практичностью. Вместо одной грелки в виде Бешеного с одного бока он получил дополнительную грелку в виде Артеса с другого.

Выехали на рассвете и подвигались неспешным, но скорым шагом. Иногда, для разнообразия, Ладимир пускал Бешеного рысью и галопом. Гнедому не доставляли удовольствия эти пробежки, и он нехотя следовал за своим резвым товарищем, как можно дольше стараясь не ускорять аллюр.

Ладимир был очень молчалив, и это его качество отнюдь не способствовало сближению с Артесом. Если быть точнее, то Ладимир был молчалив именно в отношении своего спутника. Иногда для собственного удовольствия он пел длинные, тоскливые, заунывные песни с немыслимым количеством повторов. Проводник обладал на удивление хорошим голосом, но его тягучее пение поначалу раздражало Артеса. Правда, уже к вечеру он привык, благо по пути было на что отвлечься.

Его удивляло то, что птицы и звери в этих краях, казалось, ничего не боялись. Синицы садились Ладимиру на плечи, порой к нему невесть откуда вылетала сова или ворон. Лоси спокойно проходили мимо, изредка останавливаясь и благодушно рассматривая путешественников. Кабаны перекапывали дёрн, не обращая никакого внимания на всадников; только вожак коротко взглядывал на них и возвращался к своим делам. Зайцы бесстрашно проскакивали под самыми ногами лошадей, чем доставили Артесу немало неприятных минут – Бешеный рав-

нодушно относился к забавам длинноухих, а Гнедой каждый раз закидывался, и Артес постоянно тратил время на то, чтобы его выровнять. Один раз в кустарнике промелькнула пятнистая шкура рыси.

Вечером, на закате, всадники медленно ехали по затихшему лесу, выискивая место для ночлега. Ветер улёгся, замолкли неугомонные синицы. Было пасмурно и неудобно, сгустились сумерки.

Артес заметил впереди огонь костра и остановил коня.

– Кто там может быть? – шёпотом спросил он у проводника.

Ладимир и не подумал останавливаться.

– Атроксы, – ответил он. – Хотя это их земля, здесь они не живут. То ли это просто объезд, то ли они кого-то ловят.

Артес тронул коня и поехал следом за проводником, испытывая лёгкое волнение от предстоящей встречи с новым, незнакомым ему народом.

Атроксы встретили их стоя и с обнажёнными мечами. Артес на всякий случай передвинул руку поближе к мечу и внимательно рассматривал незнакомцев.

Выглядели атроксы как люди с кошачьими головами, но никаких крыльев за спиной у них не было. Они носили некое подобие туник без рукавов, нагрудники из толстой кожи, свободные штаны и высокие сапоги без каблуков.

Ладимир остановил Бешеного в метре от ближайшего к ним атрокса и сказал на наречии Крылатых:

– Чёрное Крыло, дружина Великого Князя Дива. Ладимир.

Эти простые слова произвели магическое действие. Мечи мгновенно вернулись в ножны, воины подошли ближе и только с недоверием косились на Артеса. Перед поездкой Джой снабдил Артеса бесценной вещью – амулетом, с помощью которого он мог понимать любой существующий на планете язык. Стоило только положить руку на висящий на груди амулет – и все слова становились ясны. Благодаря подарку, Артес понял, о чём говорил Ладимир, и продолжал прислушиваться к диалогу.

– Бхарата, начальник отряда, – ответил атрокс. – Я слышал о тебе. Каким ветром занесло в наши края отважную Чёрную Рысь?

Ладимир спешил, и Артес охотно последовал его примеру, слушая во все уши. Ему любопытно было узнать, что это за Чёрное Крыло, кто такой князь Див и почему слова «отважную Чёрную Рысь» Бхарата произнёс с таким почтением. Но вряд ли Ладимир ему это расскажет... а Джой только и сказал о проводнике, что он будет оборотнем.

– Неожиданно, – улыбнулся Ладимир. – Прошу простить нас за столь бесцеремонное вторжение. Мы едем к Белым Горам.

Артес догадался, что это, очевидно, местное название Тибета.

– Кто твой спутник? – спросил Бхарата, неприязненно оглядывая Артеса. – На оборотня он не похож.

– Он человек. Я за него ручаюсь.

Бхарата еле скрыл отвращение, но больше вопросов задавать не стал и пригласил путешественников к костру. Путники расседлали лошадей и присоединились к атрокам, которые снова расселись вокруг огня. Артес не сразу взялся за жареные коренья и хлеб. Он увидел лошадей Драконов.

На вид они напоминали помесь ящера и лошади и тем самым отдалённо походили на ахалтекинцев. Рост у них был под два метра, масть саврасая и мышастая, шея длинная, изогнутая в форме буквы «s», ноги тонкие и сухие, трёхпалые – по бокам от основного среднего пальца располагались по два отростка, способные отгибаться в разные стороны. Змеиный хвост сильно сужался к концу. Больше всего поражали их узкие рогатые головы. Две пары длинных, тонких, слегка изогнутых рогов, напоминающих рога ориксов, росли на лбу, сразу перед ними

– два рога поменьше, по небольшому костяному выросту над глазами и маленький изогнутый рог на храпе, ближе к морде.

Пока Артес разглядывал лошадей, Ладимир разговаривал с Бхаратой.

– Я ожидал вас встретить, но не думал, что это случится так скоро. В объезде?

– Нет. Пришли сведения, что в Дальний лес вторглись охотники за шкурами. Мы их высладили. Из тридцати скрылось семеро. Сейчас их ищет старший военачальник.

– Юдхистхира здесь?

– Да, думаю, он скоро вернётся.

Когда разговор смолк, Артес тихонько шепнул Ладимиру:

– Ты же говорил, что они крылатые.

– Это низшая каста, точнее, так сказать, её белая кость. Они без крыльев и служат в пехоте и коннице. Атроксы высшей касты крылаты. Они составляют воздушные отряды и ездят верхом, пожалуй, только из любви к лошадям.

Артес покосился на рогатых чудовищ и слегка удивился про себя, как такое можно любить.

– Да, что касается лошадей, – добавил Ладимир. – Постарайся к ним не подходить. Дружелюбия у них не намного больше, чем у ахалтекинцев, и они к тому же обладают ядовитыми клыками, которые пускают в ход по малейшему поводу.

– Мог бы и не предупреждать, – усмехнулся Артес.

На поляну бесшумно опустились трое атроксов, и ветер от их крыльев едва не потушил костёр. Артес от неожиданности не донёс кусок до рта.

С виду новоприбывшие мало отличались от бескрылых, разве что были стройнее и тоньше, но за спиной у них были огромные крылья, действительно похожие на крылья драконов. В отличие от коротко стриженных бескрылых они носили волосы до плеч, и нагрудники их представляли собой скорее кольчуги.

Военачальника Артес узнал сразу. Голову его венчал обруч из белого золота, шею и плечи облегалo широкое золотое ожерелье искуснейшего плетения, на руках были широкие браслеты, украшенные затейливой резьбой. У его спутников ожерелья и браслеты были проще, и венцов они не носили.

Воины, сидевшие у костра, поднялись, и вместе с ними встали Ладимир и Артес. Военачальник подошёл было к Бхарате, склонившемуся в низком поклоне, но тут он заметил чужаков.

– Клянусь чёрными перьями, – произнёс он. – Ладимир? Что ты забыл в этой глуши?

– Так точно, – улыбнулся Ладимир. – Мы едем к Белым Горам, сударь.

– Кто твой спутник?

Артес предпочёл отмолчаться. Юдхистхира не произвел на него приятного впечатления; его лицо было настолько неподвижно, что казалось каменным, а глаза холодностью и отсутствием эмоций напоминали глаза хищной птицы. Он показался ему жестоким, а жестокость Артес не любил.

Впрочем, необходимости в ответе Артеса не было, Ладимир по-прежнему вёл разговор, и похоже было, что военачальника он знает хорошо.

– Человек, сударь. Просто человек.

Юдхистхира владел собой гораздо лучше, чем его подчинённый – ничего не отразилось на его лице, когда он равнодушно рассматривал Артеса. Потом он повернулся к Бхарате, но о чём-то вспомнил и опять обратился к Ладимиру.

– Вас только двое?

– Да, сударь.

– Стало быть, Чеглока с вами нет? Жаль, очень жаль.

– И ему жаль, сударь, – ответил, улыбаясь, Ладимир. – Он полон раскаяния и ищет случая, чтобы извиниться перед вами.

– Ищет случая, говоришь? – переспросил Юдхиштхира, прищутив глаз, и Артес обнаружил, что и он улыбается, но улыбка его была холодна. – Когда я в последний раз был у Дива, он искал этот случай за шторой, и я не стал его оттуда вытаскивать.

Он кивнул Ладимиру и обратился к Бхарате:

– Всё спокойно?

– Да, господин, беглецы не появлялись.

– Сегодня и мы их не нашли. Не беда, никуда они от нас не денутся.

Новоприбывшие наскоро поужинали, и весь лагерь, выставив часовых, погрузился в сон.

Артес не спал – обстановка ко сну не располагала. Скоро он увидел, что и военачальник не лёг – Юдхиштхира как будто осматривал лошадей. К нему приблизилась чёрная тень, в которой Артес узнал Ладимира, и вместе они куда-то ушли.

Артес встал и как можно тише последовал за ними. Слежка была ему противна, но в этом чужом и враждебном мире он мог полагаться только на себя, и он не желал, чтобы его полусумасшедший проводник строил ему козни.

Юдхиштхира и Ладимир ушли недалеко; вскоре Артес услышал голоса, а немного погодя увидел и их обладателей, сидевших рядом на поваленном дереве. Артес притаился в ложбине за кустом и начал вслушиваться, но, к его огорчению, что-то случилось с амулетом – сейчас он не понимал ни слова. Тем не менее, Артес решил остаться, надеясь, что амулет исправится и, рассчитывая угадать содержание разговора по интонациям собеседников.

Сделать это было сложно – голос Юдхиштхиры был так же невыразителен, как и его лицо, а Ладимир имел обыкновение говорить насмешливо, и не всегда можно было понять, шутит ли он или говорит всерьёз. Даже сейчас, когда разговор шёл с военачальником, в голосе Рыси иногда звучала насмешка.

– Ну, так что вы здесь делаете? – спросил Юдхиштхира. – Мало похоже на то, что вы выполняете приказ Дива. Тем более что твой спутник явно не служит.

– Не служит, сударь, или, по крайней мере, служит игрушкой в руках судьбы и тех, кто считает, что знает её волю.

Юдхиштхира поморщился.

– Как Див с тобой разговаривает, не понимаю.

Ладимир улыбнулся, но пояснять не стал.

– Вы правы, сударь, мы здесь не по приказу Дива Мирославича, но рассказать вам наше дело я не могу. Лучше будет, если вы обратитесь к князю Ворону. Он всё знает, хоть и не принимает участия в этой истории.

– Я так и сделаю, – кивнул военачальник, – я давно уже собирался его навестить. Похоже, что дело ваше скверное.

– Так точно, сударь.

– Я могу чем-то тебе помочь?

– Благодарю вас, сударь, но пока ничем. Да и не хочу я никого сюда впутывать. Единственная моя просьба, сударь... если возможно, рассчитывать и впредь на ваше участие.

– Само собой, я от своего слова не отказываюсь. Пока мы здесь, всегда можешь на меня рассчитывать.

Ладимир склонил голову.

– Что ж, – в раздумье произнёс Юдхиштхира, – раз дело настолько плохо... Еда у вас есть?

– Есть сухари и мясо, гречневая и пшённая крупа. Охота здесь обычно удачная. Но от свежего хлеба мы бы не отказались. Тем более от вашего – грех отказываться от такого хлеба.

– Пройдут ли ваши лошади по горным тропам? Насчёт Бешеного я не сомневаюсь, а этот гнедой мне не нравится. Ноги у него, может, и хороши, но одних хороших ног там будет мало.

– Посмотрим, сударь. Пока я на него не жаловался.

– Ну, хорошо... Пора возвращаться. Возможно, это твоя последняя спокойная ночь в дороге, и тебе не помешает выспаться.

Собеседники поднялись, и Артес, разочарованный и озябший, поспешил в лагерь. Ему так мало что удалось разобрать из разговора, хотя он и уловил его общий смысл из отрывков.

Утром, взяв запас хлеба и попрощавшись с Драконами, Владимир и Артес двинулись в путь.

К вечеру спутники въехали в дикий, заросший густыми кустами лес. Впереди замаячили странные зеленоватые огни.

– Сегодня Хэллоуин, – вдруг сказал Артес, засмотревшись на пляшущие огоньки.

Владимир, как обычно, не обратил внимания на его слова. Он был поглощён беседой с совой, которая только что села ему на плечо. Днём его собеседниками из птичьего мира обычно были бесстрашные синицы, и Артес, хоть и привык к этому, но удивляться не перестал.

Одно из кружащихся пятнышек света отделилось от группы и подлетело к лицу Артеса. Легко удерживаясь на лошади, он увидел, что пятнышко представляет собой маленькое подобие цветка, с большими глазами и рожками на голове, увитой бахромой из листьев. Пятнышко покружилось над ним, потом село ему на плечо и закрыло глаза.

– Это души деревьев, – пояснил Владимир, хотя он даже не обернулся. Это была его обычная манера общения, и Артесу временами казалось, что у его проводника глаза на затылке. – Когда дерево погибает, от него остаётся душа. Иногда они перерождаются в другие растения, иногда просто летают, пока их не засосёт в астрал. Обычно они боятся людей... Любопытно.

Артес ласково коснулся пятнышка и почувствовал странную вибрацию, будто существо хотело с ним общаться. Маленький дух удобно устроился на его плаще и затих. Остальные кружили в волшебном хороводе над головами путешественников. Пошёл снег, мягко хрустевший под копытами лошадей. Гнедой более или менее смирился со своей участью и покорно брёл за Бешеным.

Монотонное движение лошадей слегка усыпило Артеса, и он задремал в седле. Во сне он видел себя маленьким мальчиком, рядом с которым стоял его отец. Все говорили, что маленький лорд Редворд был копией своих родителей, взяв у обоих всё лучшее: белокурые, чуть волнистые густые волосы матери и её пронзительно-синие глаза, волевой подбородок, прямой нос, чётко очерченный рот отца. Высокий рост и худощавое сложение досталось ему также от матери. У него были длинные, чуткие пальцы, привычные как к оружию, так и к клавишам фортепьяно и клавесина, сильные, мускулистые руки и ноги, накаченный торс. Обычно все представительницы слабого пола обращали внимание на Артеса, стоило ему появиться в салонах или на балах. Он же оставался холоден даже к самым изысканным красавицам. В глубине души он знал, что где-то ждёт его единственная половинка, которая предназначена ему судьбой.

В тот день, который привиделся ему во сне, они с отцом катались на лошадях в поместье. Лорд Редворд был в хорошем настроении, дела шли превосходно, и они с женой планировали поездку в Париж на выходные. Маленького Артеса решили оставить с нянями. Чтобы компенсировать расстройство малыша, отец решил провести с ним всё утро. Они ехали по зелёному, заросшему изумрудной травой полю, наслаждаясь тёплым, приветливым солнышком – редкому гостю туманного Альбиона. Внезапно отец Артеса резко остановил лошадь, и, стащив

сына с седла, задержал его на руках перед своим лицом. Он тревожно смотрел на малыша, будто пытаясь отыскать что-то.

Потом лорд вздохнул и вернул Артеса на лошадь. До конца прогулки он все время приглядывал за сыном, и малышу было это приятно. Вечером Артес, получив поцелуй на ночь от матери, вылез из кровати и прокрался к родительской спальне, чтобы посмотреть на их сборы. Мама Артеса, леди Омелия, расчёсывала длинные светлые волосы, стоя перед красивым трюмо из красного дерева. Отец Артеса нервно ходил по комнате, теребя лайковые перчатки.

– Понимаешь, я смотрел на него и видел, как его плоть распадается и он исчезает под струями дождя. На лице его было написано страдание и спокойствие. Мне казалось, что он выполнил какой-то страшный, но очень важный долг и погибает, а вокруг замирали странные экипажи и чудно одетые люди...

– Это всего лишь видение, Роббер, успокойся, – ласково произнесла Омелия. – Артес ещё совсем маленький, и он в полной безопасности с нами. Твои видения не всегда реалистичны. Ты просто беспокоишься за нашего кроху, это нормально.

– Было ещё кое-что, Омелия, – помолчав, сказал Роббер. – Артес был уже взрослым, и он стоял в подобии пятиконечной звезды, будто совершал ритуал. И погибал.

Омелия отложила расчёску и прижалась к мужу.

– Мы защитим нашего малыша от всей этой чертовщины, Роббер. Он никогда не узнает о проклятии нашего семейства. Джой стал его крёстным, он будет заботиться о нём вместе с нами. Все будет хорошо.

Через две недели родители Артеса погибли, а этот разговор навсегда врезался ему в память.

– Умирая, живут, и, живя – умирают... Смерть – сон, жизнь за гробом – вечное отсутствие жизни. Взятый в заложники Вечностью – участь печальная, но обречённый волен её миновать, стоит ему только прибегнуть к богам, ибо казнь совершилась, и душа осуждённая вернулась к истоку истоков.

Последний отголосок серебристого голоса звенел в ушах Артеса, и он не мог понять, сон это или явь. Снег кружился над ним, и лес почти пропал за белой колышущейся пеленой.

– Это связный бред, это чёрный снег – умирал молодой человек, – раздался звонкий напев, и Артес с удивлением обнаружил, что этот серебристый, как лесной ручей, голос принадлежит его спутнику.

Ладимир повернулся к нему. Его глаза фосфоресцировали в наступающем мраке осеннего вечера, и он ещё больше, чем всегда, был похож на демона.

– Сейчас будет весело, – очень тихо заговорил он. В голосе его опять слышалась хрипотца, и он как будто не имел ничего общего с прозвучавшими только что странными словами и хрустальным напевом. – Я знаю, парень ты пылкий, но, будь добр, не порть мне удовольствие. Поляна крохотная, вдвоём там не развернуться, а я всё-таки должен доставить тебя в Тибет, иначе твой дражайший Джой оторвёт мне голову. Так что побудь паинькой.

Артес изумлённо воззрился на него.

– А в чём дело? – так же тихо спросил он, но Ладимир отвернулся, сделав ему знак оставаться на месте. Артес подумал и решил предоставить Ладимиру действовать так, как он считает нужным. В конце концов, Ладимир же был проводником.

Ладимир выехал на поляну, и на него налетело семь всадников на крупных тяжёлых лошадях. Артес было послал коня вперёд, схватившись за меч, но тут же остановился – он понял, что Ладимиру помощь не нужна. Скорее, она действительно ему помешает.

Битва завораживала. Сначала коня Ладимира полностью скрыли кони нападавших, но вскоре Артес снова увидел его и узнал ответ на давно интересовавший его вопрос: почему Бешеный получил такую кличку. Он был гораздо сдержаннее Гнедого и с поразительно чутким вниманием и заботой относился к своему хозяину. Но сейчас он превратился в беса. Жеребец

крутился, как будто под копытами его были раскалённые угли, и яростно рвал нападавших зубами. Ладмир отбивался легко, хладнокровно и с неожиданной для Артеса силой. В руках у него было уже два меча, один – его собственный, другой – убитого противника, и их клинки окружали его мерцающим сиянием; поводья он давно бросил. Одного из всадников он быстрым незаметным движением выбил из седла, и тот отлетел далеко в сторону. Артес подъехал к упавшему и с удивлением увидел, что под мохнатым капюшоном скрывалось лицо потрясающе красивой девушки. Она дерзко смотрела на него большими, цвета весенней листвы глазами, слегка прикусив очаровательные губки, откинув капюшон и позволив огненно-рыжим волосам рассыпаться по её плечам. Маленьких дух слетел с его плеча и расположился на ветвях деревьев. Артес подал ей руку.

Девушка неуверенно ухватила за неё и поднялась. Она была совсем невысокой, очень хрупкой и изящной.

– Вы не оборотень! – воскликнула она, глядя широко распахнутыми глазами на Артеса.

– Моё имя – лорд Артес Редворд Котвал Второй. Моего спутника зовут Ладмир... Позвольте мне узнать Ваше имя, миледи? – учтиво поклонившись, спросил Артес.

– Моё имя Аталэйнт, – не пытаясь даже вынуть руку из руки Артеса, протянула девушка, оглядывая внимательно английского лорда. В её глазах вспыхнул огонёк восхищения, а дыхание слегка участилось.

Англичанин поцеловал трепещущие пальчики новой знакомой.

– Мне жаль, что обстоятельства сложились не в пользу ваших спутников. Но заметьте, леди, они напали первыми, и мой благородный друг лишь защищает свою и мою жизнь.

– Впервые вижу зверя, который оберегает человека! – потупив глаза, мелодично произнесла Аталэйнт. – Мои спутники были благородными охотниками, очищающими лес от монстров в человеческом обличье, – тут она бросила взгляд на Ладмира, который хладнокровно добивал последнего эльфа. – Пусть лес и дриады будут милостивы к их телам, а эфир примет их смелые души.

Покончив с противниками, Ладмир подъехал к Артесу и Аталэйнт.

– О, вы уже познакомились, – сказал он с едкой улыбкой, которая весьма не понравилась Артесу. – Чудесно.

Он спешил к трупам.

– Аминь, – замямившись, сказал Артес. – Вы свободны и можете вернуться к своему народу. Надеюсь, что в будущем вы не будете считать всех оборотней порождением зла, поскольку это не так.

Аталэйнт пропустила мимо ушей его последние слова, потому что её больше насторожила первая часть сказанного лордом, и, вцепившись в рукав Артеса, она протестующе произнесла:

– Я не могу вернуться к моему народу. Теперь я ваша пленница! Так положено по закону! Я должна остаться с вами!

Послышался звонкий хохот, и Ладмир крикнул:

– Поздравляю, лорд Артес Редворд Котвал Второй! Похоже, теперь вам остаётся только жениться.

Артес, пытаясь деликатно освободиться от цепких объятий красавицы, запротестовал:

– Миледи, мы ни в коем случае не посягаем на вашу свободу. Никакие законы не могут заставить нас захватить вас в плен. Наше путешествие крайне опасно и совсем не подходит для благородной дамы.

– О, только такой чуткий и прекрасный лорд, как Вы, мог сразу признать во мне принцессу! – пылко произнесла Аталэйнт – Ибо я принцесса клана Охотников – борцов со злом, и если я вернусь к моему народу после пленения, то моя жизнь будет покрыта позором, меня изгонят или даже убьют!

– Сударыня, неужели этот двусмысленный обычай перешёл к вам от Высших эльфов? – весело поинтересовался Ладимир. – Кажется, из-за него уже успел пострадать какой-то светлейший принц.

Аталэинт хотела проигнорировать оборотня – не отвечать же принцессе на слова мерзкой твари! – но последняя фраза вывела её из себя.

– И вы же, грязные уроды, были в том виновны! – крикнула она, и слова её прозвучали, как удар кнута. – Вы посмели убить наследника эльфийского престола, и, будь уверен, безнаказанным это не останется!

Ладимир опять расхохотался и почти скрылся во мраке, склонившись над одним из трупов.

Принцесса повернулась к Артесу.

– Нужно похоронить павших, чтобы они могли спокойно уйти в мир теней, – умоляюще прошептала она.

– Конечно, принцесса, – ответил Артес и пошёл к Ладимиру, с немалой радостью освободившись от крепкой хватки обольстительницы.

Но проводника на поляне уже не было. Мало того, первый же труп, на который наткнулся Артес, оказался без головы. Остальные тоже были обезглавлены.

– Что ты там хочешь найти? Ключ от потерявшегося замка?

Голос раздавался сверху. Артес поднял голову и увидел на дереве Ладимира, который тщательно привязывал к суку мохнатый мешок – очевидно, свёрнутый из охотничьего плаща. С мешка медленно падали на припорошённую первым снегом землю тёмные тягучие капли.

Артес отступил в сторону.

– Мне позволено будет спросить, чем ты там занимаешься, или ты, как обычно, сделаешь вид, что не слышал?

– Я слышу всё, что мне нужно, – сказал Ладимир, затягивая узел. – Спрашивай, возможно, у меня даже будет настроение ответить.

– Что в мешке?

– Головы, разумеется.

Как Артес ни привык к странностям своего спутника, при этих словах его передёрнуло.

– Головы?.. Но зачем?

Ладимир снисходительно посмотрел на него.

– Для Юдхиштхиры, конечно. Укуси блоха мой хвост, если не за этим эльфийским отрядом он рыщет по всему лесу. На наше счастье, большую часть охотников атроксы уничтожили, но остаток надо для них сохранить. С принцессой, правда, неувязочка вышла... ну так они тоже с бабами не дерутся.

– Но это варварство!

– А всемером нападать на одного – это как, не варварство? И обдирать шкуры с убитых оборотней тоже, видимо, верх цивилизации. Я уж не говорю о том, что атрокам мы задолжали – они ведь имели полное право нас арестовать за то, что мы разгуливаем по их земле.

Артес в сотый раз напомнил себе, что он в чужом мире и у этого мира свои обычаи, с которыми нужно считаться. И, в конце концов, плащи из шкур поверженных врагов действительно выглядели... мягко говоря, не лучшим свидетельством великодушия.

Плащи...

Артес ещё раз посмотрел на мешок.

– Ну хорошо, соглашусь с тобой. Но тебе не кажется странным, что головы охотников ты уложил в мешок из шкур убитых оборотней?

– Среди них нет ни одного из моих знакомых, – очаровательно улыбнулся Ладимир.

– Ладно, головы оставляю тебе. Но тела необходимо похоронить! Зачем проявлять излишнюю жестокость по отношению к мёртвым, они ведь и так уже наказаны?

Ладимир ткнул в бок безмятежно спящего неподалёку сычика, что-то пошептал ему, и сычик, сонно и недоумённо помаргивая, снялся с ветки и заскользил на мягких крыльях в черноту леса. Ладимир спрыгнул на землю и отряхнул руки.

– Трупы, – невозмутимо ответил он, – мы оставим лесу. Здесь найдётся много желающих освободить кости от мяса и самые кости обратить в прах. Кстати, похороны такого рода – когда тела мёртвых оставляют на съедение хищникам – распространены в Тибете. Считается, что, уничтожая плоть, падальщики тем самым выпускают души на волю. Так что считай, что мы их уже похоронили. И если ты думаешь, что охотники хоронят убитых оборотней, ты сильно ошибаешься.

Артес покачал головой. Сейчас он попал в затруднительное положение. Всё в нём возмущалось против циничной жестокости Ладимира, и в то же время он чувствовал, что осуждать его не может. Как бы ни дико это выглядело, Ладимир имел право так поступать.

Но оставить без погребения мёртвых, не выполнить просьбу девушки Артес не мог. Он положил тела в ряд, засыпал их хворостом и поджёг. Ладимир ждал его с лошадьми в поводу.

Когда погребальная церемония была окончена, Артес обратился к принцессе:

– Прошу прощения, миледи, но мне и моему спутнику пора в путь. Вы свободны и можете ехать куда пожелаете. От всей души надеюсь, что вы извините моего проводника за гибель ваших спутников – ведь он вынужден был так действовать. Позвольте проститься с вами.

Он поклонился и тут же увидел, что Аталэйнт решительно взяла своего коня под уздцы.

– Я еду с вами, – отрезала она. – Не в моих привычках менять решения.

Артес хотел было возразить, но зловещие слова Ладимира тут же пришли ему на память. Оставить юную красавицу одну, ночью, в лесу на расправу бесчувственным атрокам! А волки и прочие хищные твари... Нет, он не мог так поступить!

– Хорошо, – сказал он с поклоном. – Как вам будет угодно, миледи.

Глаза принцессы просияли радостью, и она вскочила в седло. Ладимир уже было тронул Бешеного, но развернул коня, из-за чего Гнедой едва не ткнулся мордой в грудь товарища, и внимательно посмотрел на Артеса.

– Насколько я понял, – медленно проговорил он, – ты собрался захватить с собой эту красотку?

Аталэйнт, наморщив очаровательный носик, гордо отвернулась. Разве можно от презренного зверя ожидать изысканной учтивости английского лорда!

– Да, ты всё правильно понял, – подтвердил Артес, садясь в седло.

– Угу. Но позволь заметить тебе, что обоих ты до Тибета не довезёшь. Или она, или я. Она же спит и видит, как бы снять с меня шкуру. Кстати, миледи, шкура у меня сейчас паршивая, не перелиняла я ещё. Не угодно ли подождать до зимы?

Аталэйнт с таким презрением посмотрела на него, что, будь на месте Ладимира кто-нибудь более впечатлительный, он сгорел бы со стыда.

– Мы не можем бросить её здесь, – сказал Артес, прекрасно понимая, что Ладимир прав. Положение складывалось так, что не принцессе надо было защищать от Ладимира, а Ладимира от неё. – Она поедет с нами.

– Угу. А о том, что её тяжеловесная скотина не сможет идти наравне с нашими лошадьми, если нам придётся от кого-либо удирать – об этом ты подумал?

– У миледи прекрасный конь. Думаю, всё будет в порядке, – ответил Артес, мало на это надеясь. Конь принцессы был бы хорош для средневекового рыцаря, но угнаться за лёгкими, воздушными ахалтекинцами ему было не под силу.

– Как прикажете, лорд Рэдворд, – насмешливо поклонился Ладимир и поехал вперёд.

Принцесса улыбнулась Артесу. Он принуждённо улыбнулся ей в ответ, но слышал сейчас только звонкий голос Ладимира:

«Но убивают все любимых,

Пусть знают все о том.
Один убьёт жестоким взглядом,
Другой – обманным сном.
Трусливый – лживым поцелуем,
И тот, кто смел, – мечом.
Один убьёт любовь в расцвете,
Другой – на склоне лет,
Один удушит в сладострастье,
Другой – под звон монет,
Добрейший нож берёт – кто умер,

В том муки больше нет». (О.Уайльд, «Баллада Рэдингской тюрьмы»).

Артес помрачнел, и ласковые взгляды принцессы не могли его утешить. Слишком хорошо он помнил свой утренний сон и странные слова, произнесённые этим же серебристым голосом и так необъяснимо совпавшие с его сном. Уж не обладает ли этот безумный юноша-воин, полудемон-полуоборотень, способностью предвидеть будущее и угадывать прошлое? Что же за спутника выбрал ему Джой?

Путешественники продолжили свой путь по заросшим высоким камышом берегам кристально-чистой реки, в струях которой мелькали спины мелких рыбёшек. Артес всерьёз задумался о том, что избалованная принцесса может потребовать трёхразового питания, которым они не могли ее обеспечить. Сами они питались хлебом, которым снабдили их Драконы, и кашей, которую Ладимир варил в котелке над огнём. Невзыскательность проводника доходила до крайности – он считал, что еда должна быть такой, чтобы насытить, и не более того. Артес не был привередой, но к этому спартанскому столу ещё не привык. Что уж говорить о принцессе...

Молодой человек бросал на уснувшую Аталэинт подозрительные взгляды. Сейчас девушка выглядела очень кротко. Густые ресницы скрывали изумрудные глаза, длинные, ниже талии волосы она заплела в толстую косу. Она настояла на том, чтобы Артес посадил ее перед собой на лошадь. При этом девушка обняла его за талию, зарылась лицом в меховую оторочку плаща и спокойно уснула. Артес не был уверен, что Мадлен правильно оценила бы ситуацию, будь она с ними, но, с другой стороны, доверь он девицу Ладимиру, и та могла бы не проснуться вообще. Или... остался бы он без проводника, что было ещё хуже.

– Послушай, Ладимир, – начал он. – Кстати, у тебя, случайно, нет подходящего титула или звания вашего Братства? Не хотел бы быть нелюбезным.

Ладимир не обернулся, но всё же ответил:

– У нас нет ни титулов, ни званий. Существует лишь обращение «сударь» по отношению к князьям, а я только дружинник.

– Отлично. В чем причина такой ненависти к вам эльфов? Насколько я понял из твоих... многословных рассказов, то вы живете по своим законам и никого не трогаете. Что тогда надо эльфам?

Ладимир фыркнул.

– К его руке от слёз кровавых Вернулась чистота. Лишь кровью кровь омыть возможно, И влага слёз чиста. («Баллада Рэдингской тюрьмы»).

Артес опешил, не представляя себе, как дальше вести разговор. Ответ это или очередной бред сумасшедшего?

– Не все эльфы нас ненавидят, но большинство, – как ни в чём не бывало, продолжал Ладимир. – Особенно эти, из клана Охотников за шкурами. Эльфы, как тебе известно, или отчаянные борцы со злом, или ярые сторонники добра. Тот эльфийский клан, который поло-

жил начало роду охотников, избрал для борьбы со злом оборотней как одно из многочисленных воплощений этого зла. Охотники развили традицию, так что их смертельными врагами стали не только оборотни, но и все Звероподобные и воины Братства заодно.

Артес сразу вспомнил, что он хотел попытаться выяснить у проводника.

– Братство... видимо, Чёрное Крыло? Но разве там не оборотни? Ты ведь оборотень, не так ли?

– Не так, – бросил Ладимир, – или, точнее, не совсем так. То, что обычно подразумевается под оборотнями – это люди, в которых вселилась тёмная сила и превратила их в полуживотных. В подавляющем своём большинстве превращаются они в волков. Там есть чёткая граница, отделяющая человеческое от звериного. Таков и наш общий друг Джой – в той своей части, которая является оборотнем. Другое дело, что он маг и способен подчинить себе пантеру... до шут знает какой степени. Воины Братства иного склада. В их жилах течёт кровь тех животных, что когда-то, давным-давно, чтобы противостоять людям, научились в них превращаться. Их было очень мало, и многие из них действительно стали людьми. Но кровь других – тех, что оказались сильнее, – нет-нет да и сказывалась в потомстве. От изначальных оборотней их раньше не отличали, да и не отличались они от них по сути. Другое дело, что при определённых условиях они приобретали сущность своих пра-пра-предков – не люди и не звери, но люди и звери одновременно, и настолько в них были перемешаны эти два начала, что разделить их было нельзя. Это понял только великий князь Див Ворон, и при создании Братства он подбирал себе только таких оборотней-демонов. И получилось в итоге... то, что получилось, – Ладимир самодовольно усмехнулся. – Но, конечно, охотникам не до подобных тонкостей. Оборотни для них – всего лишь злая сила, которую нужно уничтожить, ну, они и уничтожают. Теперь их главная задача – избавиться от Братства, потому что только наши воины могут им достойно противостоять. Впрочем, раньше и нам от них доставалось. Сейчас легче, и на моей памяти они никого из наших не убили. Никого... – Ладимир опять усмехнулся.

– В нашей стране есть варварский обычай охоты на диких животных, – задумчиво произнёс Артес. – Никогда не понимал прелести этого занятия. Оно крайне несправедливо. Если бы человек вышел с ножом на волка, один на один, чтобы шансы были равны, и вопрос стоял о выживании – это было бы честно. А группа вооружённых охотников со сворой собак против одной маленькой лисы... Варварство. Видимо, это те пережитки прошлого, которые со временем исчезнут. Человечество должно совершенствоваться, иначе ему придёт конец.

– Человечество не может совершенствоваться, – сухо сказал Ладимир. – Уничтожать всё живое ради собственного сомнительного блага – основа человеческой природы. Высшие силы жестоко просчитались, когда позволили людскому племени свободно хозяйствовать на планете. И, кстати говоря, особенно видно, как человечество совершенствуется, накануне очередной войны.

– Война – это неизбежное зло. Важно выбрать правильную сторону и защищать правых, даже отдав жизнь за это, – заявил Артес. – Интересно, смогу ли я, став магом, как-то помочь в победе над теми, кто хочет уничтожить полмира?

Ладимир пристально посмотрел на него.

– А на хрена? – грубо спросил он и повернулся к огромному дереву, упавшему прямо посреди дороги.

Артес давно для себя решил не спорить с Ладимиром – смысла в этом не было: переубедить его он не мог, да и не хотел – мрачная философия Ладимира не оказывала на него никакого действия. Он переместил Аталэйнт, отъехал немного назад, после чего конь играючи перескочил через поваленный ствол. Дух дерева, дремавший на плече, недовольно слетел на колени принцессы, которая даже не проснулась, и устроился поудобнее там.

Ладимир не торопился последовать за ними. Он настороженно втягивал ноздрями воздух, а Бешеный, хоть и стоял спокойно, стриг ушами. Наконец Ладимир послал коня вперёд, но, едва конь перелетел через ствол, резко осадил его и во всю глотку заорал:

– Берегись!

Артес растерянно обернулся к нему, и тут же с деревьев вокруг спустились непонятные, напоминающие обезьян существа. За секунду он вместе с лошадьми и Аталэйнт оказался опутанным белёсыми нитями, напоминающими паутину, которые мгновенно застыли. Бешеный, с обрывками паутины на задней ноге, бросился к обезьянам.

Ладимира в седле не было. Зато откуда-то сбоку прозвенел крик:

– Руби мечом!

Артес начал вращать меч, который успел выхватить перед нападением, в разные стороны, медленно, но верно освобождаясь от паутины, когда особо крупная обезьяна с огромными, кривыми клыками, выступавшими изо рта, подошла к его лошади и примерилась уже разодрать беспомощному коню шею. В этот момент мирно лежавший на коленях Аталэйнт дух дерева резко взмыл вверх, разрывая паутину, засветился в воздухе и, бешено вращаясь, начал словно сошедший с ума мяч резко наносить удары по обезьянам. Началась паника, нападавшие пытались опутать дух паутиной, которую тот просто разрывал, или укусить его. Артес заметил, что светящийся шар легко проходил как через паутину, так и через пасти обезьян. Его удары не наносили сильного урона существам, но позволили Артесу освободиться. Артес хотел было начать уничтожать обезьян, но его внимание привлёк скинувшийся Ладимир.

Это была рысь, отличавшаяся от обычной рыси только чёрным цветом шкуры. Она неуловимой тенью мелькала между обезьянами, и всякое чудовище, рядом с которым она появлялась, падало с разорванным горлом или выпущенными внутренностями. Зрелище изящной рыси с плавными, по-змеиному быстрыми движениями завораживало какой-то дикой красотой, но Артес вскоре почувствовал, как по телу пробежала холодная дрожь. Слишком велико было противоречие между хрупкой некрупной кошкой и уроном, который она наносила обезьянам – Чёрная Рысь, грациозная и лёгкая, оказалась страшным противником.

Артес оторвался от схватки рыси с обезьянами, кинул проснувшуюся Аталэйнт на спину её коня и начал разить врагов своим мечом и кинжалами. Через пять минут дорога опустела. Часть обезьян осталась лежать неподвижно на земле, причём их тела быстро разлагались, оставляя после себя скользкую, мерзко пахнущую массу, а часть сбежала по кронам деревьев.

Аталэйнт подбежала к Артесу.

– О, мой благородный спаситель! Как ты? Не пострадал ли ты в этой кровавой битве? – заботливо спрашивала она, отряхивая плащ молодого человека от мусора и веточек.

– Благодарю, мы оба в целости, – деликатно отводя ее руки от себя, ответил Артес. – Надеюсь, что и вы не пострадали, миледи.

Ладимир мрачно осматривал правое плечо. Шерсть на нём слегка дымилась. Он бросил неприязненный взгляд на духа дерева, вернувшегося к принцессе, скинулся и пошёл к лошадям. Бешеный подбежал к хозяину, высоко подняв голову и распушив хвост по ветру. В истреблении обезьян и он сыграл большую роль.

– Я в полном порядке, мой рыцарь, – застенчиво потупив глаза, ответила Аталэйнт. Она решила не упоминать о том, что со спины лошади, когда Артес не смотрел в ее сторону, ей удалось убить по крайней мере трёх обезьян, в которых она метала дротики с отравленными наконечниками. Аталэйнт не была уверена, что ее ловкость воина произведёт на Артеса хорошее впечатление. Ладимир, в свою очередь, прекрасно видел проделанную ею работу и счёл, что лучше бы она смирно сидела верхом и не лезла не в своё дело. Яду он не доверял.

Аталэйнт в этот самый момент кинулась на шею Артесу, решив дать ему шанс ее поцеловать. К её удивлению, тот как-то не спешил воспользоваться идеальной возможностью для выражения любви, а просто слегка ее обнял и сразу же отстранил. При этом раздалось насмеш-

ливое фырканье Ладимира, что не прибавило уверенности красавице в том, что ее чары действуют.

Аталэйнт закусила губу и нахмурилась. Раньше ей не попадались мужчины, которые при виде неё не теряли самообладание и не становились рабами ее красоты. В родном городе принцессу почитали, преклоняясь перед ее смелостью и очарованием. В этом и заключалась основная проблема. Все окрестные аристократы и принцы сватались к её отцу, который до поры до времени смотрел сквозь пальцы на капризы дочери и позволял ей отказывать претендентам на руку и сердце. Но пару месяцев назад в город приехал принц Фараель, сын главы соседнего поселения, с которыми их область вела войну последние пятьдесят лет. Война ослабляла оба поселения и помогала только нападавшим на них оркам, гоблинам и прочим тварям. Половина охотников на оборотней постоянно была занята в сражениях с войсками отца Фараеля и не могла активно участвовать в основной своей деятельности. Отец Аталэйнт, лорд Мирандил, решил выдать дочь замуж за Фараеля и положить тем самым конец войне. Аталэйнт не противилась этому браку до того момента, пока не увидела Фараеля: он оказался совершенно непривлекательным, очень худым, с точащим кадыком и мелкими бегающими глазками, и, о ужас, ниже ее ростом. Аталэйнт закатила истерику отцу, который в этот раз жёстко пресёк крики и слезы дочери, объявив, что ему совершенно не до её капризов и через неделю она станет женой Фараеля, или отправиться к жрицам-эльфийкам, изучающим тайну магии, которые все дни проводят в пещере и посвящают свою жизнь и естество служению старым богам. Аталэйнт промолчала и на следующую ночь сбежала с влюблённым в неё охотником на оборотней и его группой. Они планировали пересечь границы владений обоих поселений и уйти на юг. Там, около границы с орками, располагался богатый и известный город Сребролист, правителем которого был дядя по материнской линии Аталэйнт. Когда-то его сын, двоюродный брат принцессы по имени Бравур, сватался к ней, но в то время девушке не хотелось выходить замуж, и она ему отказала. Сейчас, представ перед выбором между красавцем Бравуром и Фараелем, она решила выйти замуж за кузена, хотя и не была в него влюблена.

По воле судьбы на её пути появился Артес, в лице которого принцесса обрела олицетворение всех своих девичьих мечтаний. Красавец-аристократ, с прекрасными манерами и лицом ангела должен был стать достойным мужем для принцессы. По недоразумению, Артес оказался ещё и застенчивым. Ничем иным объяснить его медлительность в проявлении чувств по отношению к ней девица не могла. Ей же было просто необходимо как можно скорее заставить его пасть под действием ее чар, чтобы не ехать аж до Белых гор, а свернуть к городу дяди. Там бы их обвенчали, и отцу Аталэйнт пришлось бы смириться со свершившимся фактом. Женский инстинкт подсказывал Аталэйнт, что если бы Артес поддался соблазну и каким-то образом выразил свои чувства к ней, будь то поцелуй или что-то большее, врождённое благородство заставило бы его жениться на ней. А в качестве дара отцу они могли бы принести шкуру Ладимира. Впрочем, над последним пунктом стоило поработать. Видимо, Артес был привязан к своему зверю, и убедить его перерезать тому глотку было бы проблематично.

Все эти мысли вертелись в голове Аталэйнт и были прекрасно поняты Ладимиром, которому одного взгляда на девицу хватило, чтобы понять её тонкую игру. Артес в то же время был озабочен решением такого количества проблем, что принцесса едва затрагивала его мысли.

Он отвёл в очередной раз ее прекрасные руки от своего плаща, уже слегка раздражаясь, и посадил Аталэйнт на её лошадь. Дух дерева спустился с веток деревьев, где отсиживался во время битвы, к нему на плечо.

– Мне надо как-то назвать тебя, приятель, – щекоча существо по маленькой рогатой голове, ласково сказал Артес. – Ты нам очень помог. Седутре? Нравится тебе такое имя?

Дух радостно засветился.

– Ладимир, – тихо позвал спутника Артес. – Видимо, этот малыш тоже будет ехать с нами. Имя ему – Седутре, или Кедр. Надеюсь, ты не возражаешь.

Ладимир, по-прежнему мрачный, осматривал то, что осталось от убитых обезьян.

– Я не люблю заложных, – буркнул он и добавил, в упор взглянув на Артеса: – Если тебе жизнь дорога, не лезь вперёд меня.

– Мне кажется, ты немного недооцениваешь мои навыки, – мягко сказал Артес, который прекрасно владел многими видами оружия. – Но ты прав – я слишком задумался и прозевал опасность.

– Я оцениваю твои навыки во столько, сколько они стоят, – отрезал Ладимир.

Настроение у него испортилось. «Сначала принцессу потащил с собой, – думал он, – а теперь ещё и... ладно, пусть будет *это*. Надо уважать чужие желания... Что ему вообще от нас надо? Точнее, я тут ни при чём. Оно прицепилось к Артесу. Заложное... к Артесу... Ага. Вот она, цепочка. Теперь всё ясно».

И Ладимир ухмыльнулся.

Они поехали дальше. Ладимир видел, как сильно влюбилась принцесса в Артеса, и прикидывал, какими неприятностями это может обернуться. Выходило, что не особенными – в сердце Артеса явно царила другая, и Аталэйнт рассчитывать было не на что. Возможно, ей стоило посмотреть в другую сторону... но попутчик английского лорда хоть и обладал броской внешностью, был невзрачен и некрасив. А если принимать в расчёт его оборотническую сущность, то, будь даже Ладимир писаным красавцем, принцесса никогда бы не обратила на него внимания.

Впрочем, даже если бы взбалмошной эльфийке пришлось в голову очаровать оборотня из прихоти и любопытства, ей бы это не удалось. Ладимир не боялся девушек и не смущался перед ними, но, с тех пор как вступил в Братство, довольствовался случайными связями. Сейчас ему было не до девушек – новые обязанности занимали все его мысли. Ладимир второй раз за свою жизнь отвечал за других, и это ему очень не нравилось.

Его размышления прервал окрик Артеса:

– Ладимир, постой... у тебя кровь на плече.

«Чудесно», – подумал Ладимир, сбросил плащ, стащил с себя рубашку и глянул на левое плечо. Какая-то тварь успела рвануть его зубами, и теперь там зияла мерзкого вида кровоточащая рана с рваными краями.

– Помочь? – спросил Артес.

– Не стоит, – буркнул проводник.

Он достал из сумы бинт, спешился и протянул один конец бинта Бешеному:

– Подержи.

К удивлению Артеса, конь осторожно взял бинт зубами. Ладимир наложил повязку выше раны и затянул покрепче, чтобы кровь остановилась.

Всё это время он не обращал внимания на спутников, а те, в свою очередь, не сводили с него глаз. Артесу не приходило в голову, что под заношенной чёрной рубашкой могут скрываться стальные мускулы. Плечи и спина Ладимира были покрыты сетью шрамов, и глубокий безобразный рубец протянулся наискось через его живот. Ясно было, что Ладимир дрался много и отчаянно, и опыта ему было не занимать. Что оставалось загадкой – когда он успел приобрести этот опыт. На вид ему нельзя было дать больше двадцати трёх.

Аталэйнт же неожиданно поймала себя на том, что бессознательно любит прислугу лорда. От каждого движения Ладимира веяло сдержанной силой, а силу она всегда ценила. И она увидела, что Ладимир красив – не яркой, утончённой красотой, присущей Артесу, но опасной, первозданной красотой хищника.

Аталэйнт поспешно перевела взгляд на Артеса. Определённо, Ладимира и сравнивать с ним было нельзя. И как только такое могло взбрести ей в голову – восхищаться оборотнем! Видимо, её утомило путешествие и схватка с обезьянами...

Артес в этот момент обдумывал то, как они достигнут Белых гор без Джоя. В глубине души он был уверен, что друг семьи рекомендовал бы им избавиться от принцессы как можно быстрее.

– Вот там уже видны горы, – поражённо заметил он, оглядевшись. – Как нам удалось так быстро преодолеть такое огромное расстояние?

– Лишнее подтверждение того, что я – многогранная личность, – бросил через плечо Ладимир. – Ну и правильно составленные карты – ценная вещь... Расстояния – одна из самых непостоянных вещей в этом мире..

– Послушайте, – заговорила Аталэйнт, которой надоела медленная однообразная езда. – Почему бы нам не заночевать в городе моего дражайшего дяди? Он окажет нам королевский приём. Город находится всего в паре миль отсюда!

– Отлично! – согласился Артес.

Вопреки обыкновению, Ладимир вполборота покосился на него, увидел его выразительный взгляд и как ни в чём не бывало отвернулся. Видимо, у лорда родился какой-то план в голове.

Путешественники поехали дальше. Через некоторое время Артес пропустил лошадь Аталэйнт вперёд, а сам незаметно поравнялся с Ладимиром и тихо сказал ему по-русски:

– Отвезём ее к дяде и оставим там. Думаю, ты сам будешь рад избавиться от этой леди.

– Дорогой мой, позволь напомнить тебе, что это ты её взял. Я предлагал оставить её атроксам.

– Ну сам подумай, как можно было оставить её без защиты, одну! Они убили бы её, а то и... ещё того хуже.

Ладимир подавился хохотом и едва не упал с седла.

– В следующий раз предупреждай перед тем, как говорить такую ерунду, – просипел он. – Юдхиштхира покусился бы на честь этой девицы! Да он аскет почище любого вашего монаха! Ты знаешь, что Крылатые бы с ней сделали?

– Что? – тревожно спросил Артес. Ему начало казаться, что он совершил очередную глупость.

– Выпроводили бы пинками за пределы Холодных земель и приставили бы к ней согля-дателя, который проследил бы, чтобы она поехала к отцу. Если бы она вздумала кочевряться и попыталась вернуться в Холодные земли, атрокс схватил бы её наподобие того, как орёл хват-ает ягнёнка, и отнёс отцу насильно.

Впервые за всё путешествие Артесу захотелось придушить проводника.

– Почему ты раньше этого не сказал? – ледяным тоном спросил он, ничем не выдавая своих чувств.

– Я говорю с теми, кто меня слушает. Тогда бы ты меня не послушал.

– Значит, теперь будешь расплачиваться за свою неосмотрительность. Избавиться от принцессы мы можем, только если отвезём её к дяде.

– Розы нежнее невеста была, строен, как тополь, жених молодой, – продекламировал Ладимир. – Чудесный план. Особенно если ты решил оставить в Серебристе не только прин-цессу, но и проводника заодно.

– Решу, если ты не перестанешь думать, будто я покушаюсь на твою жизнь.

– Прекрасно. Только есть парочка маленьких несообразностей. Первая – у меня на роже написано, что я оборотень. Вторая – на Бешеном так же ясно написано, что он из лошадей Братства. Смекаешь?

– Тогда и меня можно принять за одного из ваших, – заметил Артес. – Гнедой ведь тоже из лошадей Братства.

– Гнедой Вороновского завода, только и всего. Масть распространённая, экстерьер для потомков линии Серебряного Ворона нехарактерен. И, само собой, ухо не проколото. Кстати, у тебя тоже.

– Послушай, – твёрдо сказал Артес. – В Сребролист мы поедём. Нам надо освободиться от принцессы. Твои... опасения ничего в моём решении переменить не могут. Надо избавляться от этой обузы.

Ладимир улыбнулся своей странной улыбкой, которая так не нравилась Артесу.

– Я просто предупредил тебя, чтобы ты несильно удивился, когда с меня сдерут шкуру и торжественно понесут по городу.

– Кажется, есть такая поговорка: «Не следует умирать раньше смерти».

Ладимир посмотрел на него долгим взглядом и снова улыбнулся.

– Боюсь, ко мне её применить нельзя, – сказал он.

Спутники повернули на север от намеченной цели и двинулись в сторону города эльфов.

Солнце уже опускалось, озаряя кроны деревьев странным, голубовато-розовым светом, когда перед маленькой группой показались деревянные ворота.

Принцесса Аталэйнт поприветствовала охранников, которые незамедлительно пропустили путешественников за ограду.

Артес вертел головой во все стороны, стараясь в угасающем свете дня рассмотреть город во всех деталях.

Все дома эльфов размещались на деревьях и были вылеплены из светящейся глины. Дороги были выложены речными камнями, отполированными копытами коней и колёсами повозок. Внизу, на земле, находились небольшие лавки и мастерские. В самом центре, выстроенная вокруг могучего дуба, высилась самая массивная постройка – дом главы города, дяди Аталэйнт Годееона. Из дверей дома выскочил высокий и поразительно красивый молодой эльф, который прижал Аталэйнт к себе.

– Бравур! Я ужасно рада тебя видеть! – воскликнула принцесса. – Благодарю эфир, что ты и дядя оказались в городе.

– Я также благодарен эфиру за то, что ты выбрала именно наш город для укрытия, принцесса! – учтиво произнёс Бравур, недовольно глянув на Артеса и Ладимира.

Артес стоял в позе, именуемой "подготовка к знакомству". Ладимир не спешил, и, если бы Артес посмотрел на него сейчас, то сильно удивился бы. Его проводник, неподвижный, словно статуя, смиренно сложил руки на луке седла и опустил голову. Это был уже не бесстрашный воин и не опытный следопыт, а странствующий монах одного из самых строгих орденов. Даже Бешеный склонил длинную шею так, что подбородком почти касался груди.

– Ну здравствуй, племянница, – раздался голос ещё одного высокого эльфа, который, хоть и выглядел молодо, но очевидно прожил не одно столетие на этом свете. – Вчера сова твоего отца принесла мне известие о твоём побеге.

Аталэйнт занервничала и, прижав к себе руку застывшего в позе знакомства Артеса, мелодичным голосом произнесла:

– Дорогой дядя, милый Бравур! Позвольте мне представить вам моего жениха и избранника моего сердца – лорда Артеса. А это его раб – Ладимир.

Артес застыл в избранной позе с окаменевшей улыбкой на лице. Ладимир казался погружённым в молитвы и как будто ничего не слышал. Потом он понял, что товарищ не разморозится до конца столетия, как и двое эльфов, поэтому он поднял голову, улыбнулся и заговорил с тем же кротким видом, но очень странным тоном – то ли суровое обличие звучало в нём, то ли презрительная насмешка:

– И мы, и вы одинаково находимся во власти судьбы. Мне скажут: да ведь они рабы. Да, но вот этот раб обладает свободным духом. А покажите мне, кто не рабствует в том или другом смысле! Этот вот, – и он неожиданно благородным кивком головы указал на Бравура, – раб похоти, а тот, – такой же изящный кивок в сторону Годеона, – корыстной жадности и честолюбия... Нет рабства более позорного, чем рабство добровольное. (Неточная цитата из Сенеки).

Эльфы остолбенели от такой наглости, но Артес слегка пришёл в себя, так как для расшифровки речи Ладимира ему потребовалось задействовать окаменевший мозг.

– Принцесса Аталэйнт чрезвычайно форсирует события, – старательно подбирая слова, начал он.

– Да, – поспешно вмешалась Аталэйнт. – Официальная церемония обручения состоится сегодня.

– Аталэйнт, он человек! – поражённо воскликнул Бравур

– Дорогая, возможно, если ничего страшного не произошло, то ты сможешь вернуть лорду его слово? – деликатно спросил Годеон.

– О дядя, я провела с Артесом целых два дня и две ночи, – сделав упор на слове «ночи» и потупив глаза, сообщила Аталэйнт.

Ладимир с большим трудом удержался от хохота. Единственное, что он себе позволил – фыркнуть пару раз, но это фыркание вполне можно было приписать Бешеному.

– В таком случае, свадьба должна состояться, – решительно сказал Годеон. Из-за его спины вышло около пятнадцати воинов-эльфов.

Ладимир усмехнулся, поднял голову и открыто и смело посмотрел в глаза Годеону. Сопротивляться он и не думал; он только огладил коня, который уже примеривался вцепиться в ближайшего эльфа, и спешился.

Эльфы сопроводили путешественников в одну из комнат дома дяди Аталэйнт и, заперев, оставили там.

– Кошмар какой-то, – сев на деревянную, украшенную резьбой лавку, сказал Артес.

Ладимир уселся на подоконник и насмешливо посмотрел на Артеса.

– А что тебе не нравится? – спросил он. – По-моему, очень даже неплохая партия. Характер, правда, у принцессы королевский, ну так ты тоже... лорд, одним словом. Сживётся. Потом, может быть, Мирандил простит непутёвую дочь, ты станешь его наследником, а потом правителем Королевства Охотников Света. Достойная перспектива для английского лорда.

Артес, едва его дослушав до конца, гневно вскочил на ноги.

– Что за чушь ты несёшь? Перспектива жениться на этой девице меня вовсе не привлекает. Мое сердце уже занято другой дамой, которая не лжёт, не сбегает из дома и ведёт себя так, как положено молодой леди! Ты же, как мне кажется, просто упиваешься тем фактом, что был прав, да и еще и прекрасно знал, чем закончится эта поездка

– Конечно, в девушке главное не лгать, не сбегать из дома и вести себя так, как подобает леди. Всё прочее не имеет значения, – буркнул себе под нос Ладимир и громко сказал, нагло улыбаясь во весь рот: – Детка, ты меня пугаешь. Сядь и успокойся. С чего ты взял, будто принцесса делилась со мной своими планами?

Артес взял себя в руки и сел.

– Про жениха и невесту ты говорил, – спокойно сказал он. – И вышло всё именно по твоим словам!

– Мало ли что я говорил. Ты считаешь, все мои слова надо воспринимать всерьёз?

– Похоже на то, – ответил Артес, помрачнев и чуть успокоившись. Несмотря на вспышку гнева, он не мог не признать, что попал в эту западню исключительно по своей вине, и ему надо было основательно подумать, как теперь выбраться из нее. – А насчет возраста – не настолько уж я младше. Хотя и уступаю тебе в опыте.

– Ну да, какие-нибудь десять лет разницы роли не играют... Послушай, дорогой. Эльфийки племени охотников охотой не занимаются. Тем более ей не стала бы заниматься эльфийская принцесса. Очевидно, что она сбежала от любимого батюшки. Почему – не знаю, но, похоже, батюшка принуждал дочку выйти за какого-нибудь коронованного уroda. Тут – о счастье! – ей подвернулись мы, точнее, ты. Не увидать, как она в тебя втрескалась, мог только слепой. И она решила женить тебя на себе, чтобы избавиться от этого неизвестного нам претендента на её руку. По-моему, это очевидно.

– Неужели? И давно ты об этом догадался?

– Скажем так, на второй день совместного с ней путешествия. И это было всего лишь предположение. Но, похоже, картинка складывается.

– Поскольку я со здешними обычаями совсем не знаком, то для меня никакие картинки ни во что не складывались, – отрезал Артес. – По-моему, тут как раз ты и должен выступать в качестве советчика.

– Здешние обычаи здесь совершенно ни при чём. Так же способна поступить обычная земная английская девушка, – холодно сказал Ладимир. – Тебе было плевать на моё мнение о том, стоит ли брать принцессу с собой. С какой стати я должен был после этого что-либо тебе советовать?

Он презрительно фыркнул и продолжил, щурясь и ухмыляясь:

– Твоя беда в том, что ты мне не веришь. Помнится, ты мне утром сказал, будто я уверен, что ты покушаешься на мою жизнь. Ничуть не бывало. Это ты уверен, будто я, получив то, что мне нужно, благополучно исчезну, бросив тебя в Запределье где-нибудь на половине путешествия. Ты изначально счёл меня вероломным спутником, который будет терпеть тебя, пока ему это выгодно. И я более чем убеждён, что перед путешествием Джой, самое меньшее, наказал тебе опасаться меня, а самое большее – рассказал обо мне много хорошего. Так много, что, если бы я это слышал, то долго удивлялся бы. Я тебя вовсе не виню – ты был бы дураком, если бы сразу мне доверился. Один из моих друзей, услышав, что я отправляюсь в Тибет проводником, сказал: «Если бы мне дали такого проводника, я бы решил, что меня хотят убить». Но за всё время нашего путешествия ты хоть раз получил подтверждение своим опасениям? Мог бы ты сообразить, что не мешало бы хоть иногда ко мне прислушиваться?

Артес некоторое время молча смотрел на Ладимира. Таких слов он от него не ожидал. Однако он быстро собрался с мыслями и сказал:

– Но ведь и ты мне не доверяешь и опасаясь меня. Разве не так?

– Первое – верно. Второе – нет. Ты человек, и смешно было бы тебя опасаться. Ты скажешь, за твоей спиной Джой. Конечно, только за моей – мрак. И Джоя я боюсь столько же, сколько и тебя.

– Я не считаю, что за мой спиной Джой, – спокойно сказал Артес. – Я сам могу за себя постоять, что бы ты ни думал. К тому же, я лично вовсе тебя не опасаясь – Джой никогда не посоветовал бы мне идти с проводником, который может мне навредить. Так же как и тебя убить он не сможет – не позволит совесть и рассудок.

– Я видел, на что ты способен, – сухо сказал Ладимир. – И оценил твои силы на данный момент. Что касается Джоя – убьёт он меня или нет, мне нет дела. Ну, убьёт, и что с того? Это уж будет не моя забота, а его.

Артес внимательно посмотрел на проводника. Тот ответил ему открытым взглядом, не переставая ухмыляться – его мимика полностью противоречила тону, каким были сказаны последние слова.

– Я подумаю над твоими словами, – медленно произнёс лорд. – Но, выясняя здесь отношения, мы впустую тратим время. Нам нужно выбираться отсюда, и как можно скорее. Атал-эйнт говорила, что обручение состоится сегодня...

– А что? Я за свадьбу! – заявил Ладимир. – Ты обретёшь покой и осядешь во дворце дядюшки, а я себе поеду восвоюси – ведь помилуешь же ты меня ради праздника.

– Ты можешь говорить серьёзно? – спросил Артес, с большим трудом сдерживаясь. Это легкомысленная весёлость порядком ему надоела.

– А я более чем серьёзен. Но, раз уж тебе так хочется покинуть очаровательную невесту, я думаю, нам незачем торопиться. Мало ли что может помешать обручению... все мы во власти судьбы. Скажем, Годаон неожиданно сломает ногу или заболит...

– Я бы на это не рассчитывал, – сухо сказал Артес.

– Ну и зря. И вообще, что ты ко мне привязался? Пусть твоё заложное нас выводит.

– Что? Какое ещё «заложное»? Не понимаю, о чём ты. И вообще, хватит шутить. Положение довольно серьёзное.

В этот момент из капюшона Артеса вылетел Кедр. Он пролетел мимо Ладимира, коснувшись его щеки, покружил по комнате, потом завис над потолком и засиял.

Изумлённый Артес увидел, как деревянные балки зазеленели, уменьшились и превратились в ветки дерева. Между ними образовался просвет, достаточный для того, чтобы оба молодых человека могли в него пролезть. Перед ними раскинулся весь город. Внизу, на площади, сооружали площадку для свадебной церемонии. Дух куда-то исчез, предварительно покружив перед лицом Ладимира. Тот кивнул, словно о чём-то договорившись.

Когда Артес двинулся к краю крыши, чтобы слезть, оборотень остановил его, и, приложив палец к губам, шёпотом велел ждать.

Через пару минут они увидели, как дверь сарая, где эльфы оставили их лошадей открылась, и кони, никем не замеченные, спокойно исчезли в открытых воротах. Бешеный на секунду замешкался, но, покрутив головой, увидел хозяина и пошёл следом за остальными.

Артес и Ладимир подтянулись на руках и вылезли на крышу дома. Седутре между тем пролетел над их головами, и под ним каждый деревянный элемент домов и крыш становился упругими ветками, по которым молодые люди ловко и быстро пробирались, никем не замеченные, над городом. Седутре провёл их к задней ограде, с которой они соскочили на землю. Лошади молодых людей уже стояли там. Бешеный радостно кинулся к Ладимиру, но тот наскоро похлопал его по шее, объясняя тем самым, что для изъяснения радости сейчас нет времени. Путешественники не мешкая вскочили в сёдла и помчались вперёд, придерживаясь направления Белых Гор.

Седутре вернулся на колени Артеса, из прозрачного стал мутным и замер, перестав светиться.

– Подзаряжается от эфира, – усмехнувшись, сказал Ладимир.

Артес кивнул, ужасно счастливый от того, что им удалось сбежать из цепких лапок принцессы. Он старался не думать о том, насколько благородными были его действия. В очередной раз он убеждался, что иногда оказанная услуга и доброе дело оборачиваются для совершившего его весьма плохими последствиями. Если бы не Седутре, ему пришлось бы или жениться на Аталэйнт, или драться вместе с Ладимиром со всем эльфийским городом.

Сейчас молодые люди уносились все дальше и дальше от Сребролиста, ведомые Ладимиром по только ему известным тропам.

Годаон одновременно с гневом и облегчением стоял перед заливавшейся слезами Аталэйнт.

– Ты доверилась человеку и оборотню! Сбежала от отца! Разрушила помолвку!

– О, дядя, я уверена, что гнусный оборотень подстроил все это! Лорд Артес непременно бы женился на мне! Он любит меня!

– Ты будешь сидеть в темнице до приезда твоего отца! Такой позор на весь наш род! – бушевал Годаон.

Рыдающую Аталэйнт бросили в небольшую комнату, которую ее дядя в сердцах обозвал тюрьмой, оставив ей воды и еды.

Принцесса после ухода стражи сразу же перестала плакать и, закусив губу, начала обдумывать план побега. Артес предал ее. Что ж, она дочь своего отца! Она найдёт предателя и либо вырвет его коварное сердце, либо заставит его жениться и смыть позор с её имени!

Путешественники скакали галопом всю ночь и весь следующий день. Только к вечеру Владимир решил, что они оставили город охотников далеко позади, и сделал привал.

Артес с удовольствием съел положенную ему часть мяса и хлеба, разложив на коленях салфетку, порядочно поистрепанную во время пути. Он успел порядком проголодаться. Владимир задумчиво жевал сухую корку и рассматривал лежащую перед ним карту. Артес тоже мельком глянул на неё, удивился и всмотрелся получше.

Это была тщательно прорисованная карта, но вовсе не карта Джоя. И надписи на ней, как показалось Артесу, были чересчур экзотичны даже для русского языка.

– Это не карта Джоя, – заметил Артес.

– Как ты догадался? – не сразу ответил Владимир. – Карту Джоя с начала путешествия я вообще не доставал.

Артес пожал плечами. В конце концов, не всё ли равно, какими картами пользуется его проводник? Главное, чтобы он привёл его к цели.

Владимир убрал карту за пазуху, бросил в кружку щепотку душицы и залил кипятком из котелка.

– А зачем тебе вообще становиться магом? – спросил он.

Артес улыбнулся, вспомнив Мадлен.

– У меня есть свои причины. Как и у всех, впрочем. Хотя...если тебя это так уж интересует – у меня есть возлюбленная. Она маг клана Воздуха. Я смогу жениться на ней, только если сам стану магом, как ты, я думаю, знаешь.

Владимир молчал, прихлёбывая душистый отвар из кружки и глядя в поле, слегка припорошенное снегом.

– Магом, значит, – сказал он внезапно, так что Артес вздрогнул. – Если я правильно тебя понял, чтобы жениться на своей... возлюбленной, тебе нужно стать магом. Воздуха, я полагаю?

– Да, – кивнул Артес. Его лицо разгладилось при воспоминании о любимой, и стало казаться совсем юным.

– И именно поэтому ты едешь в Тибет? Чтобы стать магом... Воздуха?

Эта странная настойчивость вывела Артеса из сладких грёз.

– Конечно, – удивлённо ответил он. – В Тибете алтарь магов Воздуха, там нас встретит Джой, который должен будет провести обряд.

Владимир повернулся к нему и посмотрел на него своими жёлтыми, сейчас без всякого выражения, глазами.

– И Джой дал тебе карту, где показан путь к алтарю... Воздуха?

– Ну конечно, Воздуха, – слегка раздражённо ответил Артес. – А что такого? Он маг и знаком с разными алтарями, хотя и не принадлежит к клану Воздуха.

Владимир улыбнулся.

– Понятно... Значит, ты очень любишь эту свою... волшебницу?

– Очень, – кивнул Артес, и голос его смягчился, как смягчался всякий раз, когда он говорил о Мадлен.

Ладимир помолчал, глядя в землю.

– А она тебя?

– Разумеется, любит! – решительно сказал Артес – Нам суждено быть вместе, иначе я не пошёл бы в этот поход.

– А зачем тебе жениться?

Артес в полном недоумении уставился на собеседника, и тот сообразил, что до подобной свободы отношений его попутчик ещё не дошёл.

– Это я так, – небрежно сказал Ладимир. – Как, говоришь, зовут эту чародейку?

– Мадлен. Леди Мадлен Голд, – сказал Артес. Почему-то его настроение испортилось.

Ладимир задумался.

– Мадлен... Мадлен... А, знакомая штучка. Кажется, когда-то она была подружкой одного моего друга, который сам не чужд магии. Точнее, одной из его гарема.

По мёртвой тишине Ладимир понял, что опять сказал что-то не то. Он глянул на победившего Артеса, которого так душило негодование, что он даже не мог слова вымолвить.

Ладимир отвернулся и сощурился.

– А впрочем, – безмятежно сказал он, – я, похоже, перепутал. Кажется, её звали не Мадлен, а Милдред. И была она не из клана Воздуха.

Артес выдохнул.

– Будь добр, – медленно произнёс он, – больше не делать таких ошибок.

Ладимир шутиливо поклонился.

– Куда мы сейчас едем? – немного погодя спросил Артес. Он легко выходил из себя, когда тема задевала его за живое, но так же быстро успокаивался, если не усматривал в поступках или словах обидевшего его человека прямого оскорбления или злого умысла. Порассуждав, он счёл, что Ладимир просто перепутал и продолжать злиться на него было бы неразумно и очень по-детски.

– К Белым Горам. Через два дня мы должны будем быть там.

– Уже? – слегка удивился Артес. – Я думал, до гор еще далеко.

– Не радуйся заранее. Нам придётся идти не по Тропе Тысячи Камней, как я хотел вначале, а Путём Горных Коз. Охотники выслали за нами погоню. Похоже, едут они за нами не след в след, а пойдут в объезд к Пасмурному перевалу, от которого и начинается Тропа Тысячи Камней. Мы же поедем к Дикому Ущелью.

– Где начинается Путь Горных Коз?

Ладимир, прищурившись, покосился на Артеса.

– Это эвфемизм. Нет там никакого пути. Горным козам тропы не нужны.

– Для тебя, судя по всему, это не представляет проблемы, – криво усмехнулся Артес. – А вот как быть с конями?

– Бешеному всё равно. Как будет идти Гнедой, не знаю. Посмотрим.

Всё путешествие начинало казаться будущему магу какой-то чередой препятствий. В принципе, это отвечало его представлением о достижении истинной любви. Артеса воспитали в лучших традициях готических романов. Его родители встретились очень романтичным образом: мать Артеса ехала к своей подруге в Шотландию. Был декабрь, тёмный и мрачный. Экипаж еле двигался по узкому ущелью в горах, лошади с трудом передвигали ноги в глубоком снегу. Внезапно возница вскрикнул и упал с козел – его пронзила пуля. В экипаж попытались вломиться разбойники, караулившие случайных путешественников. Шотландцы не слишком жаловали кареты английских аристократов. Мать Артеса вытащила спрятанный под сиденьем нож, решив защитить себя и свою компаньонку, которая упала в обморок от ужаса, или покончить с собой, когда разбойник, который уже открывал обшитую бархатом дверцу закричал и исчез в мокрой снежной мгле.

Несколько минут слышались только вскрики и ржание лошадей. Мать Артеса, едва живая, сидела в экипаже, судорожно сжимая тонкий кинжал в руке. Ветер завывал вокруг, и карета тронулась с места. Они миновали ущелье, выехали на просторную равнину. Тогда карета остановилась опять, дверца открылась, и будущая леди Редворд увидела прекрасного мужчину, одетого как лорд, который объяснил, что ему удалось справиться с разбойниками и что он будет счастлив сопроводить её к месту назначения. Через месяц родители Артеса сыграли свадьбу. Именно так и представлял себе своё знакомство с возлюбленной Артес. Он должен спасти ее, вырвать из рук бандитов, помочь выбраться с тонущего корабля, вынести из горящего поместья, защитить. Теперь у него была такая возможность.

Ещё кое-что успокаивало молодого человека и помогало ему сохранить спокойствие в разговорах с его странным проводником: перед отъездом Джой рассказал ему, что в спасении матери Артеса он принял непосредственное участие. Лорд Редворд просто не смог бы справиться один с десятью вооружёнными до зубов бандитами. В ту ночь с ним был Джой, который обернулся пантерой. Артесу казалось символичным, что его отцу помог найти возлюбленную оборотень, как и ему самому.

Но чересчур уж странным был оборотень-рысь. Крупа закончилась, а вместе с ней и ненавистная Артесу гречневая каша, и Ладимир взялся за охоту. По всей видимости, охотился он до рассвета, потому что, когда Артес просыпался, Ладимир неизменно сидел у костра и жарил мясо. Артес не видел в охоте ничего плохого, если ей занимались только ради пропитания, но дело было в том, что чаще всего Ладимир выбирал крупных жертв. Ясно было, что целого лося или кабана двум путешественникам не по силам съесть целиком, и большая часть туши пропадала зря. Артес не понимал, к чему такая расточительность – вокруг было полно зайцев, куропаток, тетеревов и прочей съедобной живности с мягким, нежным мясом, которых было намного проще добыть, чем здорового старого тура, чьё мясо было жёстко и слегка горчило. В конце концов, Артес спросил об этом Ладимира. Согласно своим привычкам, Ладимир не ответил.

Зато на следующее утро, когда Артес пытался прожевать очередной жёсткий кусок, он вдруг увидел шагах в двадцати от стоянки остатки лосиной туши. Молодой человек едва скрыл гримасу отвращения и жалости и старался не смотреть в ту сторону. Однако посмотреть всё-таки пришлось, потому что минут через десять раздался хруст, как будто кто-то грыз кости. Артес поднял голову и увидел возле туши огромного тёмно-коричневого зверя с красноватым отливом. «Медведь?», – подумал про себя Артес, но животное было крупнее медведя и имело другие очертания. Оно подняло голову, по форме напоминающее тигриную, но более грубую, узкую и вытянутую. Клыки были настолько длинные, что не помещались в пасти.

– Махайрод, – небрежно сказал Ладимир, который сидел к зверю спиной и ни разу не оглянулся. – Мы идём по его земле. Убитый лось – плата за право идти здесь и охотиться. Лось был старый, с плохо сросшейся задней левой ногой, передвигаться ему было больно и трудно. Завтра его завалили бы волки. Поверь мне, лучше погибнуть от моих клыков, чем от волков, которые пожирают жертву, не дожидаясь, пока она умрёт.

Артес смотрел на пришельца из доисторических времён. Могучее животное, с едва различимым полосатым рисунком на шкуре и чёрным лохматым загривком, играючи разрывало тушу. Иногда оно поднимало клыкастую голову и добродушно поглядывало на путешественников маленькими зеленоватыми глазками.

– Подумать не мог, что когда-нибудь вживую увижу саблезубого тигра, – негромко произнёс Артес.

– Это дама, – сообщил Ладимир. – Думаю, скоро мы увидим и её суженого.

– Ты хочешь сказать, что здесь будет два махайрода?

– Угу. С двумя котятками-подростками.

Когда Артес вновь посмотрел в сторону лосиной туши, всё семейство было в полном сборе. Махайрод-самец, намного крупнее и мощнее самки, сразу отогнал супругу и детей от мяса. Тигрица отошла спокойно – она уже успела насытиться. Котят-подростки, как их назвал Ладимир, размерами почти догнали мать и, как многие молодые животные, выглядели долго-вязыми и неуклюжими. Они крутились возле матери и беспокойно принюхивались. Им очень хотелось есть, и они не были уверены, что на их долю что-нибудь останется.

Артес наблюдал за махайродами и вспоминал ещё один случай. Это произошло, когда они везли эльфийскую принцессу к дяде. Посреди ночи Артес проснулся от женского визга, вскочил и увидел, что Аталэйнт, глядя вперёд, лихорадочно нашаривает возле себя лук и издаёт тот жуткий визг, который его разбудил. Возле костра сидела волчья стая – шесть поджарых зверей, и они с осуждением смотрели на принцессу. Ладимира Артес заметил не сразу. Тот тоже сидел возле костра среди волков, и на лице его было точно такое же выражение, что и на волчьих мордах, как будто он был одним из них...

Ладимир слегка преувеличил, когда сказал, что от Дикого Ущелья дальше не ведёт ни одна тропа. Тропа там была – узкая, на одну лошадь, она тянулась вдоль гладкого каменистого склона горы, и правая нога всадника тёрлась о скалу, а левая висела над пропастью.

Бешеному было всё равно, где идти. Гнедой же перепугался до смерти и отчаянно сопротивлялся. Как Артес ни посылал его вперёд, как ни уговаривал, как ни успокаивал, конь храпел и вставал на дыбы. Насилу Артес вместе с Ладимиром заставили его пойти, но это было жалкое зрелище. Артес сочувствовал коню, он вполне понимал его нежелание изображать из себя горного козла. Самого Артеса мало волновала опасность – все его мысли были заняты тем, что случится возле алтаря. Тем не менее, он старался как мог направлять животное, говорил ему ласковые слова и успокаивал.

Когда путешественники расположились на ночлег, Гнедой встал, прислонившись к скале и опустив голову; он был весь в мыле и дрожал.

Артес с жалостью смотрел на коня.

– Так дальше нельзя, – тихо сказал он. – Мы только уморим лошадь.

Ладимир не ответил. Он мрачно разглядывал Гнедого, шурясь и хмуря лоб. Внезапно он встал, подошёл к коню, оседлал его и вскочил в седло.

– Вернусь к рассвету, – процедил он сквозь зубы. – Бешеный, остаёшься за старшего.

С этими словами он повернул коня на опасную тропу, и Гнедой, с большой неохотой уступая его понуканиям, поплёлся прочь.

Для Бешеного отъезд хозяина был такой же неожиданностью, как и для Артеса. Он тихонько заржал и поднялся, но за Ладимиром не пошёл.

Артес не представлял, что Ладимир собирается делать, и отъезд проводника его сильно встревожил. На миг ему показалось, что к ним приближаются охотники за шкурами и Ладимир попросту удрал. К счастью, он быстро сообразил, что в таком случае Ладимир взял бы Бешеного. Оставалось только сидеть и ждать, надеясь на то, что оборотень вернётся раньше, чем появятся эльфы. Артес спокойно завернулся в плащ и лег на землю. Над головой светили мириады звёзд. Сейчас они по-прежнему успокаивали его. Когда в семье кто-то умирал, мать обычно говорила ему, что душа умершего улетела на небо и стала ещё одной звёздочкой. Артес верил в это очень долго и после смерти родителей часто говорил со звёздами. Несмотря на то, что он казался успешным, счастливым молодым человеком, ему часто бывало одиноко среди его друзей. Его научили любить весь мир, видеть самое лучшее во всех, но иногда ему казалось, что все носят маски. Милые друзья, готовые на проказы в колледже, радовались как фейерверкам, так и охоте на них в чём не повинных животных. Они могли равнодушно пройти мимо

просящего милостыню ребёнка, но давали небольшие состояния за картины и вазы. Это был образ жизни, так жили все и считали себя хорошими и добрыми гражданами. Артес тоже вёл себя так, но, познакомившись с Ладимиром, он погрузился в иной мир. Оборотень казался очень странным, но чем-то он был ближе и понятнее, чем самые хорошие друзья.

Когда небо начало светлеть на востоке, Бешеный насторожил уши и приветственно заржал. Вскоре и Артес услышал перестук копыт – чёткий, уверенный и глуховатый, словно лошадь была не подкована. Артес недоумевал – судя по цокоту, это ехал не Ладимир, однако Бешеный как будто встречал именно своего хозяина. На всякий случай Артес поднялся и вытащил меч из ножен.

В свет костра вступило высокое рогатое чудовище, и при виде его Артес отскочил было назад, но тут же узнал лошадь Крылатых.

Ладимир молча прыгнул на землю и так же молча обошёл вокруг коня. Жеребец был очень высок, около метра девяноста в холке, необычной серебристо-мышастой масти, с зебридными отметинами на передних ногах. Вдоль его шеи вместо гривы тянулись острые костяные выросты, рога на лбу были длинные, острые и так ослепительно белы, что казалось, будто они светятся в предрассветной мгле. Гнедого нигде не было видно.

– Ты обменял лошадей? – спросил Артес. – Видимо, атроксы и впрямь тебе доверяют.

Атроксы действительно доверяли Ладимиру как одному из воинов Чёрного Крыла и тем более как одному из свиты Великого Князя Дива, но в данном случае Ладимир бы предпочёл, чтобы это доверие было меньше. Юдхиштхира дал воину своего друга лучшего коня, какого только мог найти – своего собственного. Конечно, если Ладимиру невзначай случится угробить жеребца, Юдхиштхира ничего не скажет, но очень не хотелось расстраивать старшего военачальника, да и Див Воронович за это не похвалил бы.

Ладимир вздохнул, взялся было рассёдлывать жеребца, глянул на восток и оставил это занятие.

Артес посмотрел на жеребца Крылатых. Мысль ехать на этой ядовитой змее его не очень прельщала, но, с другой стороны, это было бы интересным опытом. Артес был очень умелым наездником и обожал животных, даже таких странных и почти неземных.

Ладимир тем временем встал, прислонившись лбом к лбу Бешеного, и что-то ему нашёптывал. По-видимому, его слова коню не нравились – он беспокойно переступал с ноги на ногу и один раз слегка встряхнул головой.

Наконец Ладимир хлопнул его по плечу, подошёл к мышастому жеребцу и вскочил в седло.

– Садись на Бешеного, – сказал он Артесу, поворачивая жеребца к тропе.

Артес опешил.

– На Бешеного? – переспросил он.

– А ты что, видишь здесь третью лошадь? – раздражённо спросил Ладимир. – Только учти, тебя он слушаться не будет. Твоё дело – тихо сидеть в седле. Он сам знает, куда и как идти.

Артес не стал спорить, вскочил на Бешеного и слегка подобрал поводья. Проводник поехал вперёд, и Бешеный двинулся следом за Ваджрой (так звали мышастого жеребца). Конь есть конь. Если его не ранить и прислушиваться к его движениям, путешествие будет приятным и безопасным.

Задолго до привала Артес успел безоглядно влюбиться в Бешеного. Его покорила плавная летящая поступь коня, бессознательная уверенность, с которой он ставил ноги на узкую тропу, способность чувствовать каждое движение всадника, невероятная гибкость и сила – Артесу постоянно казалось, будто под ним скрученная пружина. Он и раньше видел трепетное отношение Ладимира к жеребцу, но только сейчас сумел проникнуться им – к такой великолепной лошади нельзя было относиться по-другому.

На привале Артес разразился долгим, искренним и красочным панегириком Бешеному. По-видимому, так он был красноречив, что даже Ладимир под конец слегка растаял и ухмылялся вполне добродушно.

Артес же твёрдо решил по своём прибытии в Англию обзавестись серебристым ахалтекинским жеребёнком и вырастить из него вот такого боевого коня – идеально выезженного, отважного и безоглядно преданного хозяину. К тому же, его Аполло не помешал бы приятель.

Около полудня путешественники выехали на небольшое плато. Ладимир немного покружил по нему, остановил Ваджру у самой скалы, огляделся, сверился со своей полурунической картой и спешился.

– Всё, – коротко сказал он. – Приехали.

Артес спрыгнул на камни. От радости и волнения у него слегка перехватило горло.

– Мы у алтаря Воздуха? Где же он?

– Здесь.

Артес оглядел безжизненное плато, на котором не росло ни одной травинки.

– Здесь? – переспросил он. – Не похоже...

Ладимир уселся на корточки возле скалы.

– Скорее всего, должен быть знак или ключ, открывающий его. Короче говоря, как туда попасть, твоё дело. Я своё уже выполнил.

Артес покосился на него и принялся исследовать маленькую каменистую площадку. Вскоре он наткнулся на большой камень, покрытый иероглифами и загадочными знаками, которые напомнили ему тайнопись средневековых магов и алхимиков.

– Кажется, я нашёл, – дрогнувшим от волнения голосом произнёс Артес. – Только... как же он открывается...

Он водил пальцами по грубым, полустёршимся от времени и ветра знакам. Они уже не казались такими непонятными: вскоре Артес сумел различить символы четырёх стихий и некоторые сопровождающие их обычно атрибуты. В колледже он увлекался древними языками. Несмотря на насмешки знакомых, он учил египетский, латинский, кельтский, старославянский. Языки ему давались очень легко, поэтому он рассматривал это в качестве развлечения, а не серьёзного занятия. Теперь полученные знания могли пригодиться.

Он коснулся высеченной в камне спирали – знака Воздуха, но ничего не произошло.

– Что же делать, – в раздумье прошептал он. – Наверняка нужно прочесть заклинание, только какое? Джой ничего мне не говорил об этом...

Ладимир, насмешливо сощурившись, наблюдал за ним.

– Попробуй другие знаки, – посоветовал он. – Если бы алтарь Воздуха открывался знаком Воздуха, это было бы слишком просто.

Знаки Воды и Огня – две извилистые полосы и круг с лучами внутри, похожий на колесо, – ничего не дали. Не очень веря в успех этой затеи, Артес коснулся ромба с четырьмя точками.

– Нет, – сказал он, поворачиваясь к Ладимиру, – это бесполезно. Должен быть другой способ...

Не слушая, Ладимир медленно встал, пристально разглядывая что-то за его спиной. Артес обернулся и обомлел.

Вместо гладкой каменной стены чёрным провалом зиял вход в пещеру.

– Отлично, сработало! – Артес уверенным шагом пошёл в пещеру. Ему не терпелось скорее закончить ритуал и вернуться к возлюбленной Мадлен.

Ладимир переглянулся с насторожившимися лошадьми и пошёл за ним следом, озираясь и прислушиваясь.

Стены пещеры были гладкими, как стекло, и отливали фиолетовым. Прямой коридор вёл все глубже вниз, воздух был на удивление свежим и чистым.

– Странно, где же Джой? – спросил Артес, которому надоело молчание.

– Не жалуйся на то, что одинок, друг одиноких и заблудших – Бог, – сказал Ладимир. Его глаза светились в темноватом коридоре.

– Успокойся, – прошептал Артес и громко сказал: – Надеюсь, что Бог приведёт Джоя сюда, иначе ритуал нам не пройти.

Ладимир хмыкнул, но вместо обычной насмешки раздалось уже ни с чем не вяжущееся четверостишие: «И пусть у гробового входа Младая будет жизнь играть, И равнодушная природа Красою вечною сиять» (А.С.Пушкин, «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»).

Спутники дошли до конца коридора и попали в величественный зал, вырубленный в скале. Своды его терялись высоко над головой, по стенам стекали струи прозрачной воды, на земле вились причудливые узоры мха и лишайника. В самом центре зала, на возвышении, стояла огромная каменная чаша. Опытным взглядом человека, который отлично разбирался в камнях, Артес понял, что она сделана из сапфира, рубина, алмаза и изумруда. Камни каким-то образом были слиты воедино.

– Потрясающе! – воскликнул он. Седутре засветился необычным светом, и над чашей появилась туманная фигура женщины.

Артес отступил назад. Ладимир не тронулся с места; он лишь сощурился, и губы его исказила недобрая ухмылка.

– Приветствую вас, путники, – звучным низким голосом заговорила фигура и вдруг замерла. Туман немного рассеялся, и молодые люди увидели красивую высокую женщину, одетую в длинную тогу. Ее черные волосы достигали пят, а большие, фиолетовые глаза пристально всматривались в незнакомцев.

– Вы не маги, – заявила женщина.

Ладимир усмехнулся ещё сильнее, и под сводами пещеры полетел звонкий голос:

«Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскалёнными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!». (Ф.И.Тютчев, «Безумие»).

Артес посмотрел на товарища, убедился, что он явно говорил о себе, и попытался исправить ситуацию.

– Мы пришли с добрыми намерениями, благородная леди. Я желаю пройти ритуал и стать магом воздуха, – сообщил он.

– Воздуха? – фигура ещё пристальнее вгляделась в Артеса. – Ты, человек, хочешь стать магом воздуха?

– Блаженны не ведающие – ибо они не знают, что творят, – произнёс Ладимир. Глаза его были пусты, и лицо приняло безучастное ко всему выражение.

– Ну хорошо, – усмехнувшись и игнорируя Ладимира, сказала женщина. – Я – Хранительница Времени. Все предопределено и решено. Ты пришёл в правильное время и правильное место. Отсюда начнётся твой путь. Если алтарь отвергнет тебя, то пройдёт ещё одно столетие и один день до следующей попытки. Твой спутник должен уйти, – как только она произнесла последнюю фразу, Ладимир исчез из пещеры.

– Я готов начать ритуал. Я уверен, что преуспею, – решительно заявил Артес. – Ждать сто лет я не могу, как вы понимаете. Но ритуал должен был провести Джой, а сам я не могу справиться.

– Подойди к чаше, творение Богов. Я сама проведу ритуал. Черным магам не место около светлого алтаря, так что не грусти об отсутствии своего друга, – велела Хранительница.

Она закрыла глаза и стала тихо шептать что-то на непонятном языке. Чаша начала светиться, из неё полезли корни растений, затем ветки с листьями, которые обвилились вокруг замершего Артеса и в мгновение скрыли его, образовав подобие кокона. Он мерно светился, отражая мерцание стен.

Прошло уже около получаса, когда Седутре засеребрился и подлетел к кокону. Тот начал сиять интенсивнее, а в ветвях появились маленькие бутоны, которые на глазах набухали и распускались, превращаясь в прекрасные разноцветные цветы. С цветов вспархивали необычные бабочки и, размахивая золотистыми крылышками, медленно в танце поднимались к сводам пещеры.

– Свершилось, – произнесла Хранительница. – Итак, он и есть Избранный.

Одежда Артеса, лежавшего на земле, изменилась – она была покрыта чем-то вроде пушистого тонкого зелёного мха. Волосы молодого человека стали чуть темнее, глаза из синих приобрели странный зеленоватый оттенок. Казалось, что даже его тонкая гибкая фигура стала приземистее.

– Ты обрел способность воспринимать все, что связано с магией Земли, – произнесла Хранительница, которая до этого невозмутимо молчала.

– Земли? – переспросил Артес, окончательно приходя в себя. – Земли? Почему Земли?

– Ты получил магию земли, потому что пришел к алтарю земли, – холодно пояснила Хранительница. – Путь Избранного должен начаться с Земли. Она ближе всего к ЛЮДЯМ. Вы черпаете свои силы из земли, другие силы были бы тебе не подвластны с самого начала.

– Так почему мне все твердили, что я иду к алтарю Воздуха? – разгневано спросил Артес. – И что еще за Избранный?

Он хотел рассердиться по-настоящему, с чувством, но почему-то его больше тянуло сесть и начать размеренно думать о жизни. Он попытался стряхнуть с себя это нетипичное для него настроение, однако истинный, обжигающий гнев все равно не приходил.

– Я расскажу тебе легенду, – сказала Хранительница. – Её достоверность подтвердилась сегодня. Существует предание, где сказано, что придёт Избранный, который принесёт мир в кланы магов и сможет объединить их, тем самым спасая землю, даря покой и шанс на возрождение. Давным-давно Великие решили сойти на землю и принять человеческую форму. Время стало мужчиной, а Хаос женщиной. От их союза родился человек, который обладал уникальными способностями: он мог стать сосудом для всех четырёх стихий магии – Земли, Воздуха, Воды, Огня... или Темных сил. Он был словно чистый лист бумаги, на которые магия наносила свои письмена. Эта способность передавалась из поколения в поколение, и, хотя род Человека хранился в тайне и маги так и не смогли узнать, кем именно он был, на всех десятых детях,

рождённых от того Избранного, появлялся знак. Знак был весьма сомнительный – родимое пятно, расположенное на груди в области сердца, в форме напоминающее цветок лотоса.

Артес дёрнул камзол и распахнул рубашку. На груди молодого человека были ясно видно бледное родимое пятно, в котором, используя воображение, можно было различить форму цветка.

– Только такой человек может пройти ритуал всех пяти стихий, не умереть и стать Высшим магом, – продолжила Хранительница.

– Я не понимаю, почему надо было хранить в тайне всё это? – недоуменно спросил Артес, рассматривая под новым углом своё родимое пятно.

– Меня это не касается. Я не маг, не человек, не эльф, не зверь, – ответила Хранительница. – Я и так рассказала тебе много. Остальные вопросы ты можешь задавать магам. Но с этого дня ты должен опасаться их. Не доверяй никому, кроме тех, кому бы ты никогда не стал доверять. – сказав это, Хранительница исчезла.

...Ладмир поднялся с земли и отряхнулся. «Эк меня вынесло, – подумал он. – Ну ничего. Я видел достаточно».

– Итак, слушаю ваши приказания, командир. – Ладмир вприщур рассматривал Артеса, и с лица его не сходила странная улыбка. – Куда путь держать изволите?

Артеса очень тянуло сесть на землю возле пещеры, от которой поднимался в воздух пар, и подумать хорошенько. Он в очередной раз стряхнул с себя это непонятное оцепенение и сказал:

– Конечно, к алтарю Воздуха. Избранный, не Избранный... Я смогу жениться на Мадлен, только если я стану магом Воздуха. Видимо, Джой не совсем правильно прочитал те старинные документы или не понял до конца что и как. Думаю, что сила Земли мне не должна повредить. С другой стороны – зачем она мне? Хотя... может быть, если это поможет общаться с животными и лучше понимать леса... Не знаю. Только как же мы доберёмся до Алтаря Воздуха?

Ладмир уставился в карту, пряча усмешку.

– Что касается расположения алтарей, то, если мне не изменяет память, сначала идёт алтарь Земли – Белые горы, затем Воздуха – Гора Богов, Сухие равнины, потом Воды – Блуждающий остров, Холодное море и, наконец, Огня – Золотые Земли. Н-да... То есть сейчас мы пересекаем Холодное море, чтобы добраться до Сухих равнин, а после того, как ты пройдёшь алтарь Воздуха, возвращаемся опять-таки к морю. Чудесно...

– Нет более короткого пути?

– Это самый короткий. В объезд выйдет месяца на два дольше.

– А может, лучше поехать длинным маршрутом? Может, он безопаснее? – задумался Артес.

– Как угодно, – отозвался Ладмир. – Если тебе охота затянуть наш поход на полгода, поедём длинным. Но учти, что я в этом не заинтересован.

От долгого перехода до Холодного моря в памяти Артеса осталась лишь бесконечная смена лесов и полей, низкое небо над головой, плавный галоп Бешеного и звенящий воздух...

Уже при подъезде к порту Прибрежному Артес спросил у проводника:

– Чей это город? Кто здесь живёт?

– Ничей, и живёт здесь всякий сброд. Раньше Прибрежный был основным укрытием пиратов, вроде Тортуги, но Светлые эльфы пиратов уничтожили. Теперь там полно торговцев, вынужденных путешествовать морем, и владельцев судов, которые берутся за эти перевозки, а также куча воров, мошенников и распутных девок. Очаровательное место.

Очаровательное место оказалось скопищем грязноватых двухэтажных домов и трактиров. Путешественники обошли пять таверн, и в шестой Ладимир наконец нашёл того, кого искал.

Не обращая внимания на самую разношёрстную публику, состоящую из троллей и эльфов подозрительного вида, он прямоком устремился к столу, стоявшему у самой стены. Трактир был переполнен, но в этом углу сидел лишь один посетитель. При виде его Артес, который уже порядком навидался отвратительных морд, попятился и с недоумением взглянул на проводника.

Посетитель был не троллем и не гоблином, а каким-то чудовищным уродом, помесью человека и животного. Голова не то льва, не то тигра, не то пумы; мощные руки в буграх мышц, заросшие серебристо-палевым, в размытых пятнах, мехом; у ног подрагивала чёрная кисточка длинного хвоста.

Ладимир обрадовался этому монстру, словно родному брату.

– Имир Оддо? – мурлыкнул он, скользнув на скамью.

– Чёрный прихвостень? – сразу отозвался тот.

Ладимир расплылся в улыбке:

– Рад, что вы меня узнали, – и добродушно осведомился: – Сменили сторону?

– Это зависит от того, с чем ты пришёл, – буркнул Оддо.

– Ну, всухую никакие дела не решаются. Две кружки старого тёмного, – бросил он слуге, справедливо полагая, что Артес в попойке участвовать не будет.

Артес хотел попросить воды, но потом мудро счёл, что в этом месте даже такого слова не слышали.

Оддо хмуро посмотрел на кружку, появившуюся перед ним в мгновение ока, и ещё более хмуро – на Ладимира.

– А дело наше маленькое, – лучезарно улыбнулся ему Ладимир. – Нам всего лишь нужно попасть на Бродячий остров.

Артес удивлённо взглянул на проводника, но решил пока ничего не говорить.

Имир молчал и с большой неприязнью разглядывал собеседника. Артес с тревогой заметил, что хвост его задёргался сильнее.

Неожиданно гигант обнажил в улыбке крупные клыки и откинулся на спинку стула.

– Прелестное дело, – сказал он, прищурившись. – Всего-то стоит разбитого корабля и потонувшей команды. Очень мило, очень мило.

Хвост метнулся в сторону, и закончил Оддо уже глухим рыком:

– Ищи дураков.

– Уже нашёл, – отозвался Ладимир, также откинувшись назад и насмешливо рассматривая капитана.

Хвост Оддо замер, а уши медленно прилегли к черепу. Артес начал прикидывать, на что рассчитывает Ладимир, если это чудовище полезет в драку, и будет ли большой толк от него, Артеса, если он вмешается. Он с тоской подумал, что после прохождения ритуала думает много, а действует медленно. Вероятно, пока он будет прикидывать что и как, этот верзила просто порежет Ладимира на ленточки.

– За морем клубится беззвёздная мгла, на светлый восход надежды нет – смерть заката была ала, и никогда не родится рассвет, – нараспев произнёс оборотень и вдруг заговорил с сухой насмешкой:

– Два года стоянкой «Стремительного» был Бродячий остров, и за два года ты не потерял ни корабль, ни команду, точнее, команду ты терял только на суше. Как угодно, как угодно, ты капитан, тебе виднее, и раз ты настолько утратил морское чутьё, что не переплывёшь реки, оставайся на земле, оставайся, мой друг. Только, мой друг, оставаясь на земле, ты очень скоро, очень скоро рискуешь перебраться под землю, потому что Великий Князь, Чёрный Ворон, не

прощает предателей, не прощает, мой друг. Думай, Аургельмир, но недолго, мы торопимся, мой друг, очень торопимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.